

приемный
покой

Самая необычная
больница
и самые странные
пациенты!

АНДРЕЙ ШЛЯХОВ
ДОКТОР
ДАНИЛОВ
В ГОСПИТАЛЕ МВД

Доктор Данилов

Андрей Шляхов

Доктор Данилов в госпитале МВД

«Автор»

2012

Шляхов А. Л.

Доктор Данилов в госпитале МВД / А. Л. Шляхов — «Автор»,
2012 — (Доктор Данилов)

ISBN 978-5-271-43905-6

Госпиталь МВД – это не обычная больница. Это закрытый мир, недоступный для непосвященных. Здесь нет ситуаций, есть только проблемы. Слишком необычны пациенты и их диагнозы! Если бы Данилов мог знать, чем обернется для него работа в госпитале МВД, он бы держался подальше от этого ведомственного учреждения. Тогда бы ему не пришлось срочно покидать Москву и скрываться в провинции...

ISBN 978-5-271-43905-6

© Шляхов А. Л., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвертая	23
Глава пятая	31
Глава шестая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Андрей Шляхов

Доктор Данилов в госпитале МВД

«Если человеку по утрам скверно, а вечером он бодр и полон надежд, он дурной человек, это верный признак. А если наоборот – признак человека посредственного. А хороших нет, как известно».

Венедикт Ерофеев, «Бесполезное ископаемое»

«В больнице медленно течет поток времен, так медленно, что мнится беспредельным. Его волной доставленный урон не выглядит ни скорбным, ни смертельным. На новый лад судьбу не пережить. Самодовольство – горькое блаженство. Искусство все простить и жаждать жить – недостижимое совершенство».

Булат Окуджава, «В больнице медленно течет река часов...»

Глава первая

Федеральный клинический госпиталь МВД

– Ваш пропуск?

Данилов посмотрел на свой пропуск и увидел, что вместо него показал усатому прапорщику карту фитнес-клуба. Когда в кармане лежат два совершенно одинаковых на ощупь пластиковых прямоугольника, перепутать их нетрудно. Полугодовой абонемент в фитнес-клуб Данилову подарила Елена, объявив, что хватит сутулиться и отращивать пузо. Данилов долго простоял перед зеркалом, никакого пуза у себя так и не нашел, но подарку все рано порадовался, ведь покрутить велотренажер или поплавать в бассейне – оно всегда хорошо.

– Извините... Вот! – Данилов предъявил пропуск.

– Проходите, – разрешил прапорщик, нажимая кнопку управления турникетом.

Если театр начинается с вешалки, то госпиталь начинается с проходной – встроенного в сплошной забор белого домика с красной крышей. Как войдешь, прямо – турникет, а слева – окошечко выписки разовых пропусков, настенный телефонный аппарат, подключенный к внутренней сети, и тамбур для ожидания.

Впрочем, проходные – это в обычных больницах, а в госпиталях – КПП, контрольно-пропускные пункты. В названиях, собственно, и состоит главная разница между госпиталем МВД и многопрофильной городской больницей. КПП вместо проходной, начальники вместо главных врачей и заведующих отделениями. Ну и подчинение, конечно, разное – госпитали МВД подчиняются не Департаменту здравоохранения и не Министерству здравоохранения и социального развития, а Управлению медико-социальной защиты Департамента тыла МВД. А так, медицинское учреждение – оно и в Африке такое. Те же белые халаты, те же хирургические пижамы, те же специфические запахи (правда, сейчас в госпитале шел поэтапный ремонт и поэтому среди ароматов доминировал запах краски), те же пациенты, большей частью не очень довольные тем, как их лечат.

– Госпиталь – это уникальное место в системе, – шутил непосредственный начальник Данилова Роман Константинович, – только здесь сержант может без помех высказать майору все, что он о нем думает. Если, конечно, сержант лечится у майора.

Сам Роман Константинович, заведующий, то есть начальник первого реанимационного отделения, звания не имел, то есть был старшим лейтенантом запаса, но в госпитале не служил, а работал.

Отделений реанимации в Федеральном клиническом госпитале МВД было три. Первое, оно же «общее»; отделение анестезиологии и реанимации, не имевшее номера, или «хирургическая реанимация», куда госпитализировали тех, кто подлежал оперативному лечению, и отправляли после операций «для пробуждения и наблюдения»; и БКР – блок кардиореанимации при отделении неотложной кардиологии. Почему отделение, в котором работал Данилов, называлось «первым», а более крупное отделение анестезиологии и реанимации номера не имело, не знал никто. Шутники утверждали, что сделано это в интересах секретности.

– Старший врач БКР будет подбивать к вам клинья, сманивать к себе, – предупредил Данилова в первый же день работы Роман Константинович. – Имейте в виду, что переходы из отделения в отделение администрация особо не приветствует. Другое дело, если сами переведут по производственной необходимости.

– Вы мне льстите, – улыбнулся Данилов, – не такой уж я ценный кадр, чтобы меня сманивать.

– Я не льщу, а предупреждаю. Дело в том, что в отделении неотложной кардиологии существует антагонизм между начальницей Нонной Тимофеевной и старшим врачом блока Денисом Кирилловичем. Тимофеевна предпочитает сотрудников-женщин, считая, что они работают лучше, а Кириллыч задыхается в своем розарии и мечтает разбавить его хотя бы одним врачом мужского пола. Только вот доступа к «кандидатам в доктора» у него нет, потому что набор сотрудников ведут начальники отделений. Вот Кириллычу и остается только сманивать.

– Разве переводы не утверждаются начальниками отделений?

– Утверждаются, но если есть место, то сотруднику госпиталя в переводе отказать трудно, нужно иметь какие-то веские основания. А в БКР сейчас как раз открывается вакансия – одна из врачей на пятом, кажется, месяце. Пока еще работает днем, но скоро уйдет в декрет...

Денис Кириллович, невысокий коренастый живчик с бородой, похожей на многодневную небритость, взял Данилова в оборот сразу же после первой конференции-пятиминутки. Нагнал в коридоре, ухватил под руку и увлек подальше от Романа Константиновича.

– Нам с вами придется много взаимодействовать, поэтому лучше сразу познакомиться поближе. Я – Бритвин, старший врач БКР, зовут меня Денис Кириллович. А вы Данилов Владимир Александрович, я запомнил.

– Очень приятно, – Данилов на ходу пожал протянутую ладонь, – будем взаимодействовать.

– Вы с кардиологией в каких отношениях? – Денис Кириллович явно решил начать «перевербовку» прямо сейчас, руководствуясь принципом не откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

– В удовлетворительных, – ответил Данилов, – синдром ВПВ от синдрома КЛК художественно отличаю.

– Учились по кардиологии?

– Нет, не довелось.

– А что вас привело в реанимацию к Максимушкину?

– Стечение обстоятельств, обычно именуемое судьбой, – ответил Данилов.

– В общей реанимации работать нелегко, – посочувствовал Денис Кириллович.

– Можно подумать, что у вас легче, – «закинул крючок» Данилов.

– В какой-то мере да, – заглотнул наживку Денис Кириллович. – Все-таки один профиль, всю «некардиологию» мы просто переводим к вам. Кстати, у нас вскоре освобождается ставка...

Некоторое время шли молча, но в переходе между хирургическим корпусом, где находился конференц-зал, и терапевтическим, в котором располагались первая реанимация и неотложная кардиология, старший врач БКР, так и не дождавшись реакции Данилова, продолжил:

– Вы не хотели бы перейти к нам?

– А смысл?

– Ну, формально условия работы и оклады одинаковые, но у нас, как я уже сказал, работа поспокойнее, к тому же у вас будет возможность пройти специализацию по кардиологии, а это дает большие возможности...

– Какие, например?

– Занятие частной практикой! Кардиология – одна из наиболее востребованных специальностей. – На скуластом лице Дениса Кирилловича появилось снисходительное выражение. – Гипертония, стенокардия, инфаркты, аритмии – это дает хороший кусок масла на хлеб...

Денис Кириллович закатил глаза, сменил снисходительное выражение на мечтательное и покачал головой, подтверждая, что кусок масла, о котором идет речь, действительно хорош.

– Я рад за вас, – ответил Данилов, всеми силами стараясь удержаться от улыбки.

– Так подумайте насчет перехода, – предложил Денис Кириллович. – Пойдемте, я покажу вам наш блок!

– Спасибо за предложение, но я еще свое отделение толком не рассмотрел. – На слове «свое» Данилов сделал ударение. – И переводиться я как-то не намерен, если честно.

– Вы подумайте, – настаивал Денис Кириллович. – Такая возможность предоставляется не каждый день. Ну и что с того, что вы пришли в первую реанимацию? Вы же не приносили вассальную клятву и не писали расписку кровью.

– Хуже, – вздохнул Данилов, – я писал расписку не кровью, а желчью.

– Дело ваше, – насупился Денис Кириллович и, не желая ехать в одном лифте с не оценившим щедрое предложение Даниловым, отправился к себе по лестнице.

«Отсутствие чувства юмора не лечится», – подумал Данилов, чувствуя себя немного неловко. И не хотел ведь обидеть Дениса Кирилловича, даже пошутил, чтобы несколько «смягчить» свой отказ, а вышло еще хуже.

– Как госпиталь? – поинтересовалась Елена после того, как Данилов отдежурил три дежурства. – Уже сложилось впечатление или еще нет?

Данилова, задремавшего под скучноватый фильм о непростой судьбе простой нью-йоркской девушки (Еленин выбор не всегда совпадал с его вкусами), вопрос застал врасплох. Он открыл глаза, посмотрел на лежавшую рядом Елену, перевел взгляд на потолок и ответил:

– Почти сложилось. Вроде как нормальное место. С лекарствами проблем нет, со всем остальным тоже, чистенько, пристойно, в коридорах никто не лежит, не только двенадцатиместных, но и семиместных палат нет, кормят прилично, постельное белье без дыр и пятен... Твердая четверка, короче. С плюсом. Плюс можно поставить за то, что допуск к наркотикам мне делали за полторы недели благодаря крепким дружеским связям между ведомствами.

Допуск к работе с наркотическими средствами и психотропными веществами оформляется при каждом новом трудоустройстве, и до получения этого допуска врач не имеет права назначать эти самые препараты. Обычно процедура оформления разрешения довольно длительная и иногда может затягиваться более чем на два месяца. Врач приносит в отдел кадров заключение о возможности работы с наркотическими средствами и психотропными веществами из наркологического и психоневрологического диспансера, заполняет анкету, после чего сотрудник отдела кадров направляет в территориальное подразделение ФСКН (Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ) запрос и ждет, пока оттуда придет разрешение на допуск. «Там же сплошь и рядом наши люди, поэтому все решается быстро, – сказал о ФСКН Роман Константинович. – Да и кадровики у нас дотошные – позвонят, напомнят, подошлют кого-нибудь за документами. Ответ обычно бывает готов быстро, но вот пока его отправят...» Данилов еще «дорабатывал» на старом месте работы, в кожно-венерологическом диспансере, а запрос на него уже был отправлен.

– А почему не пятерка?

– Потому что ремонт со всеми сопутствующими факторами – шум, пыль, запахи. Вот закончится ремонт, тогда можно будет и пятерку поставить.

Первое реанимационное отделение по окончании ремонта из шестикоечного должно было «расшириться» вдвое – стать двенадцатикоечным. Начальник Роман Константинович расширение приветствовал, старшая сестра Любовь Дмитриевна – не очень («платить больше не станут, а хлопот прибавится»), а Данилову было все равно. На двенадцать коек в реанимации положено два дежурных врача. С одной стороны, хорошо дежурить с умным и приятным в общении коллегой. И время быстрее идет, и две головы лучше, чем одна. С другой стороны, коллеги бывают разные. Попадают среди них не очень умные и не слишком приятные в общении. С такими дежурить тяжело, порой даже очень. Так что все зависит от обстоятельств.

– Максимушкин не достает?

С Романом Константиновичем Елена вместе училась в институте, вернее – доучивалась после академического отпуска, взятого по причине беременности и родов. Благодаря этому знакомству Данилов и узнал о вакансии реаниматолога в госпитале.

– Нет, нормальный мужик твой Максимушкин, во всяком случае – на первый взгляд.

– Это когда он успел стать моим? – удивилась Елена. – Вот уж никогда...

– Ну ты же меня с ним познакомила, – напомнил Данилов, – значит, употребление местоимения «твой» вполне уместно.

– А как верховное начальство?

– Да никак, как везде.

При устройстве на работу Данилов имел пятиминутную беседу с начальником медицинской части госпиталя полковником Саватеевым. Беседа была обычной, можно сказать – канонической. «Расскажите вкратце о себе... Мы – Федеральный клинический госпиталь, а не какая-нибудь там девятьсот тринадцатая замкадовская больничка... Желаю успеха!»

– Никаких «поворотов кругом», «упал-отжался», «есть» и «так точно»? – прищурилась Елена, намекая на кое-какие недавние опасения Данилова.

– Ехидна ты, – укорил Данилов, – теперь каждый день вспоминать будешь?

– Нет, только по нечетным! – пообещала Елена. – Но если серьезно, то я очень рада тому, что тебе нравится в госпитале. Руки-то как, еще не забыли, как трубку вставлять и как «подключичку» ставить?

– Это ж как на велосипеде кататься – приобретенный навык сохраняется на всю жизнь.

– А вот я, после того как ушла с «линии», все забыла, – призналась Елена.

– Это только так кажется, – заверил Данилов, – вот попробуй кого-нибудь заинтубировать и сама удивишься, откуда что взялось.

– Кого же мне интубировать, если я на вызовы не езжу?

– Кого-нибудь из подчиненных, – серьезно ответил Данилов. – Кто провинился. Если слабо так провинился – то только интубация, если сильно – то еще и «подключичку» поставить, а тем, кто проштрафился по самое не могу, можно и трахеостомию провести.

– Интересное предложение, – одобрила Елена. – Надо бы обсудить его на Центре. Определенно послужит к укреплению дисциплины.

– А заодно и тренировка навыков – двойная польза! Только предлагай не на Центре, а сразу в департаменте, тогда тебя точно главным врачом назначат!

– Ох, и натворю тогда я дел! – мечтательно зажмурилась Елена.

– Кто бы сомневался, – сказал Данилов. – И сотрудники десять раз подумают, прежде чем нарушать. Пункционная игла в дрожащих от гнева руках начальства – это страшно! Никакого сравнения со строгачом с занесением!

Они немного посмеялись, а потом Елена спросила:

– А что не нравится в госпитале? Не может же все нравиться?

Данилов призадумался, пытаясь систематизировать несколько разрозненные впечатления. Что не нравится? Ремонт? Ну, ремонт дело преходящее – был, и нет его...

Героиня фильма тем временем успела уехать из Нью-Йорка в глухую американскую провинцию, не иначе как на родину, и сейчас изливала душу цветущей девице породы «кровь с молоком», не то младшей сестре, не то школьной подруге. Девица лучилась счастьем, имела несколько килограммов лишнего веса и время от времени ласково трепала по головкам подбегавших к ней ребятишек, то есть олицетворяла собой простое человеческое счастье, исконно-посконное, без всяких там городских и карьерных заморочек.

– Как ты можешь смотреть эту нудятину? – вслух удивился Данилов. – Ведь все и так ясно! Где-то с полчаса она будет пытаться привыкнуть к сельской жизни, но так и не сможет этого сделать и рванет обратно в Нью-Йорк. А по дороге или же прямо на пороге своей квартиры встретит этого лощеного хмыря, который водил ее по ресторанам...

– Он же умер от лейкемии! – Елена оторвалась от экрана и обернулась к Данилову.

– Ошибки быть не может? Дура-медсестра позвонила не по тому телефону...

– Так похороны же показали!

– Похороны я проспал, – признался Данилов. – Значит, встретит другого, еще лучше прежнего... Тот, который помер, был адвокатом?

– Брокером.

– Один черт. Значит, новый будет простым парнем – каким-нибудь дальнотойщиком или сантехником. Он подарит ей море душевного тепла и всего остального, что ей требуется, тоже... Короче, все будет хорошо.

– Спи дальше, – разрешила Елена, – а я, с твоего позволения, досмотрю до конца.

– Я не сплю, а думаю над твоим последним вопросом, – поправил Данилов. – Впрочем, уже могу ответить. На сегодняшний день в госпитале мне не нравится только то, что к нему нужно привыкать. Надоело, знаешь ли, привыкать к новым местам, хотя в этом месте, если, конечно, моя интуиция не врет, я могу задержаться надолго. Во всяком случае, мне там нравится и вроде как никто изначально не имеет на меня зуба.

– Осталось только постараться, чтобы ни у кого этот зуб не появился, – уколола Елена. – А то ведь ты умеешь провоцировать негативное отношение к себе, что называется, на ровном месте.

– В моей жизни был всего один начальник, у которого я провоцировал негативное отношение к себе, да и то не совсем осознанно. В итоге... – Данилов сделал маленькую паузу и закончил фразу: – ...мне пришлось на нем, то есть на ней, жениться, чтобы загладить свою вину.

– Ах, вот как! – возмутилась Елена. – Значит, я вышла замуж за раскаявшегося провокатора? Вот так новость! Слушай, а зачем ты меня провоцировал?

– Сам не знаю. Возможно, хотел убедиться в том, что я тебе безразличен.

– Убедился?

– Почти да.

– Вот тебе за «почти»! – Елена локтем ткнула Данилова в бок. – Вот тебе за провокации! – Данилов ожидал еще одного толчка, но вместо этого его лягнули ногой. – За что бы тебе еще вломить?

– По логике вещей третьим номером должна идти твоя загубленная жизнь, – опрометчиво подсказал Данилов.

– Да, именно так! – Елена села, схватила подушку и с размаху приложила ею по голове Данилова. – Получай за мою загубленную жизнь!

– Вот это – настоящие чувства! – одобрил Данилов, отбирая подушку, чтобы избежать повторного удара. – Какая экспрессия, какой темперамент! Совсем не то, что в этом унылом кино.

– С тобой невозможно смотреть серьезные фильмы! – Елена взяла с тумбочки пульт и нажала кнопку ускоренной перемотки назад.

– Ставь сначала, – посоветовал Данилов, возвращая Еленину подушку на место, – под него так славно спится.

Самое главное впечатление от работы в госпитале Данилов озвучивать не стал, уж очень неожиданным и непривычным оно оказалось. Впервые в жизни ему не нравились все коллеги по работе. Все три врача первого реанимационного отделения. Причем не просто не нравились, а вызвали раздражение чуть ли не с первой минуты знакомства.

Неприятные личности попадаются везде, в любом учреждении, взять хоть доктора Бондаря с шестьдесят второй подстанции Скорой помощи, хоть физиотерапевта Лагонину из одиннадцатого кожно-венерологического диспансера. В семье, как говорится, не без уродов. Но когда к «уродам» тянет отнести весь врачебный коллектив отделения, то это настораживает, если не заставляет задуматься – уж не слишком придирчиво начал ты относиться к людям?

Глава вторая

Доктор Кочерыжкин – славик-бабник

Доктор Кочерыжкин был первым из коллег, с которым познакомился Данилов. Первое дежурство, первое впечатление...

Правила хорошего врачебного тона рекомендуют приходить на дежурство, тем более на первое, заранее, чтобы к началу смены успеть переодеться и осмотреться. Короче говоря – подготовиться к работе. Данилов явился за полчаса, переоделся в раздевалке для сотрудников и поднялся в свое отделение.

Пятеро пациентов, подключенных к мониторам, мирно спали. На сестринском посту никого не было. Данилов прошел до двери ординаторской и обнаружил, что она заперта.

Медсестра, дежурящая в одиночку, еще может выйти из реанимации по каким-либо неотложным делам – отнести в лабораторию срочный анализ или сбежать в другое отделение за каким-либо препаратом. Единственный дежурный врач реанимационного отделения не имеет права отлучаться ни при каких обстоятельствах. Больные, находящиеся в реанимации, не должны ни на секунду оставаться без врачебного наблюдения. Мало ли что с кем может случиться? Поэтому запертая дверь ординаторской вызвала по меньшей мере недоумение.

Данилов покрутил круглую ручку – вдруг не до конца провернул? – но дверь так и не открылась. Зато за ней послышался шорох, перешедший в невнятное двухголосое бормотание. Один голос был высоким, явно женским, а другой – мужским, басистым, густым.

Бормотание стихло, но открыть дверь никто не подумал. Данилов вежливо постучал и сразу же услышал визгливое:

– Наташ, хватит ломиться, сейчас выйду!

– Это не Наташа, – негромко, чтобы не потревожить покой спящих пациентов, ответил Данилов.

– А кто? – спросил тот же голос.

– Владимир Александрович, – так же негромко ответил Данилов.

– Владимир Александрович? – удивленно переспросил густой бас. – Одну секундочку, Владимир Александрович, буквально одну секундочку...

Одна секундочка растянулась не меньше чем на полторы минуты, Данилов уже начал томиться ожиданием, когда, наконец, послышался звук поворачиваемого в замке ключа и дверь открылась. Пахнуло спертым воздухом, табаком и приторными женскими духами из тех, про которые говорят: «дешево, но въедливо».

– Это не Владимир Александрович, – протянула женщина, открывшая дверь.

Колпак на растрепанных волосах, надетая наизнанку рубашка хирургической пижамы и томная поволока во взгляде явственно свидетельствовали о том, что женщина довольно весело и приятно провела если не всю ночь, то, во всяком случае, лучшую ее часть. Даму можно было бы назвать миловидной, если бы не портил впечатления хрящеватый нос, хищно загибающийся книзу подобно орлиному клюву.

– Владимир Александрович, – ответил Данилов, угадывая в женщине дежурную медсестру. – Могу пропуск показать.

Пропуск ему выдали при оформлении. Предупредив, что за потерю или порчу полагается строгий выговор с занесением в личное дело. «Хорошо, хоть не расстрел», – подумал Данилов, пряча пропуск в карман куртки.

– А вы кто? – с вызовом спросила женщина, упирая в бок правую руку, а левой придерживая дверь.

– Конь в пальто! – ответил Данилов, которому надоело топтаться у порога. – Войти можно?

– Можно, – буркнула женщина и нехотя посторонилась ровно настолько, чтобы Данилов смог бы протиснуться мимо нее.

Именно так – не войти, а протиснуться. Мужчину Данилов слегка подвинул бы плечом, расширяя пространство, а тут пришлось протискиваться боком. Грудь у женщины, кстати говоря, была вполне себе ничего, упругой.

В ординаторской на разложенном и покрытом изрядно смятой простыней диване сидел мужчина лет сорока – сорока пяти. Наружность у мужчины была интеллигентной – тонкие черты лица, высокий лоб, плавно переходящий в начинающую лысину, очки в элегантной оправе, элегантная бородка в стиле девятнадцатого века – только вот взгляд из-под дымчатых стекол был недружелюбным, каким-то быдловатым и портил все впечатление.

Мужчина был одет в такую же зеленую пижаму, что и женщина. На спинке стула, придвинутого к письменному столу, лежали два белых халата. На другом стуле, что был ближе к дивану, стояла пластиковая пепельница, доверху набитая окурками.

К такому натюрморту полагалась еще как минимум одна пустая винная бутылка, но бутылки Данилов не углядел ни на столе, ни на полу, ни в корзине для мусора.

– Если вы насчет консультации, то ждите, пока придет Максимушкин, – сказал недружелюбный интеллигент, окидывая Данилова взглядом с головы до ног. – И вообще, что это за манеры – ломиться в запертую дверь? Вы из какого отделения?

– Из этого, – ответил Данилов, оглядывая ординаторскую в поисках третьего, свободного стула и так и не найдя его. – Я новый врач, Владимир Александрович Данилов.

Женщина взяла со стула один из халатов, тот, что поменьше, и молча вышла.

– Мира, промой Шашкину катетер! – крикнул ей вслед мужчина и встал с дивана. – Новый врач, значит?

«Долго до тебя доходит, однако», – подумал Данилов, которого начал раздражать оказанный ему прием.

– Ну, давайте знакомиться. Владимир Александрович, значит? А я, представьте себе, тоже Александрович, только не Владимир, а Ростислав. Кочерыжкин Ростислав Александрович.

Рукопожатие у Кочерыжкина оказалась оригинальным – вложил в руку Данилову три пальца, указательный, средний и безымянный, позволил пожать и убрал.

– Врач высшей категории, – со значением добавил Кочерыжкин. – Причем врач потомственный, в пятом поколении.

«Мудак и индюк, – классифицировал коллегу Данилов. – Нет, лучше так – мудаковатый индюк. Отряд приматы, вид гомо сапиенс, подвид индюк мудаковатый. Вот-вот, в самую точку!»

– Вы из каких Кочерыжкиных будете? – спросил он, старательно пряча усмешку. – Из тех, которые в родстве с князьями Белосельско-Белозерскими или из тех, что с Юсуповыми?

Нормальный человек, по мнению Данилова, должен был рассмеяться в ответ на подобный вопрос, дураку полагалось обидеться, но Ростислав Александрович не сделал ни первого, ни второго. Он вздохнул и с заметным сожалением ответил:

– Мы сами по себе Кочерыжкины, у нас род не дворянский, а купеческо-профессорский. Между прочим, прадед мой, Петр Ростиславович, стоял у истоков медицинского факультета в Нижегородском университете...

«Стоял у истоков медицинского факультета» – это круто, – оценил Данилов. – И сказано красиво. Одно дело «работать» или «участвовать в создании» и совсем другое «стоять у истоков». Как там у Пушкина: «На берегу пустынных волн стоял он, дум великих полн, и вдаль глядел...» Ну, волны не истоки, а все равно впечатляет».

– Я вижу, что вы уже познакомились! – в ординаторскую вошел начальник отделения. – Ростислав Александрович, я же предупреждал насчет курения в отделении! Дойдет до Станислава Марковича, так мне первому влетит, хоть я и некурящий! И откройте окно, а то у вас тут хоть топор вешай.

– Я же не могу во время дежурства выходить курить на лестницу, – проворчал Кочерыжкин, вытряхивая пепельницу в мусорную корзину. – Вот и курю в пределах отделения...

Над корзиной поднялось серое пепельное облачко.

– Пойдемте ко мне, – пригласил Роман Константинович. – Пора уже.

– Сейчас, только диван соберу, – ответил Кочерыжкин.

Под надсадный скрип дивана Данилов и начальник отделения вышли из ординаторской. На посту их ждали две сестры – «старая», уже знакомая Данилову, носатая Мира и большеглазая девочка-одуванчик, высокая тоненькая блондинка, пушистые кудри которой со всех сторон выбивались из-под высокого накрахмаленного колпака.

– Девочки, на пятиминутку! – скомандовал Роман Константинович. – Заодно познакомьтесь с новым доктором. Доктора зовут Владимир Александрович, а это Миранда (носатая изобразила на лице некое подобие улыбки и кивнула Данилову) и Наташа (одуванчик ограничился кивком, без улыбки).

Пятиминутку в первом реанимационном отделении проводили в «сестринской», комнате отдыха медсестер, расположенной прямо за постом. Сестринская была побольше ординаторской и попросторнее – вместо громоздкого дивана здесь стояла «малогабаритная» медицинская кушетка, самая обычная, так называемая «смотровая». Да и стол размерами не дотягивал до «врачебного», причем был он не письменным, а простецким, из серии «четыре ножки – три перекладины».

– Любаня сегодня задержится, – сказал Роман Константинович, усаживаясь на один из трех стоящих в сестринской стульев.

Медсестры переглянулись и дружно захихикали. Роман Константинович покосился на них и хотел что-то сказать, но в этот миг вошел Кочерыжкин и с ходу начал докладывать:

– В отделении пять человек, четверо тяжелых, один средней тяжести, может быть переведен в отделение. Это я про Шашкина. Без движения, поступлений за сутки не было, переводов не было, ничего, можно сказать, не было.

– Благодарь, – улыбнулся Роман Константинович. – Проблемы были?

– Нет, – покачал головой Кочерыжкин. – Разве что Шашкин опять обещал жалобу на имя министра написать.

– За что?

– За то, что его не кормят как положено.

– А как ему положено?

– Известно как, – ухмыльнулся Кочерыжкин, – борщ со сметанкой, котлеты с гречкой, и всего побольше.

– А про диету ему нельзя было объяснить? Чтоб без жалоб?

– Так я объяснял, и не один раз, вот Мирочка не даст соврать! А он мне в ответ: «Сожрал мою порцию, хомяк толстопузый, а теперь лапшу на уши вешаешь? Ничего, я тебя выведу на чистую воду!» Вот ведь как человек свою профессию любит! Обеими ногами в могиле, а все норовит расхитителя на чистую воду вывести! Мент в законе, что называется!

– Если это ваше «мент в законе» услышат Станислав Маркович или Борис Алексеевич, то я вам, Ростислав Александрович, не завидую. – Роман Константинович покачал головой. – Вы случайно Шашкина в глаза так не наз... обозвали?

– За дурака меня держите, Роман Константинович? – обиделся Кочерыжкин. – Разве я давал вам повод?

– А кто полковника... ну того, со слуховым аппаратом, дубаком («дубак» на воровском жаргоне – охранник, контролер) назвал? – напомнил начальник отделения.

– Во-первых, я не думал, что у него аппарат такой качественный, а во-вторых, я сказал не «дубак», а «дурак». Это ему, глухне, слышалось. Я даже не в курсе был, что он в Карелии зоной руководил! А его дочь такой армагеддон мне устроила...

– Язык надо придерживать, тогда и армагеддонов не будет. – Роман Константинович встал. – Вы, Ростислав Александрович, оставайтесь, я на конференцию с новым доктором схожу, все равно его народу представить надо.

Вообще-то во всех реанимационных отделениях отчитываться на утреннюю конференцию ходит тот, кто дежурил – собирать аплодисменты (редко) и подзатыльники (чаще, гораздо чаще) за все, что натворил за время дежурства. В среднем, и это при условии пребывания начальства в хорошем расположении духа, на одну похвалу приходится шесть-семь замечаний и нагоняев. Жизнь вообще далека от совершенства и ничего с этим не поделать, остается принимать как есть.

– Славик, конечно, бабник и балабол, но в целом – нормальный мужик, – сказал Роман Константинович Данилову в коридоре.

Данилов не стал спорить, хотя в его представлении Ростиславу Александровичу до нормального мужика было очень, очень и очень далеко. Недостижимо, можно сказать.

– У нас, кстати, принято дежурить «бригадами», так, на мой взгляд, лучше, – продолжил Роман Константинович. – Люди срабатываются, притираются друг к другу...

«Некоторые притираются не только в переносном, но и в прямом смысле, – подумал Данилов и тут же одернул себя. – Становишься ханжой, Вольдемар!»

Собственно говоря, если в минуты тишины и спокойствия дежурный врач и дежурная медсестра предаются любовным утехам, то кому от этого плохо? Да, конечно, медсестра должна быть на посту, как стойкий оловянный солдатик, но в конце концов, на тревожный сигнал монитора и из ординаторской в секунду-другую выскочить можно. По закону дежурство в реанимации – без права сна, но с правом отдыха, так отдыхать можно по-разному, если, конечно, это не мешает делу. Заниматься любовью под «тревогу» или же просьбы о помощи нельзя однозначно, а так, когда делать нечего, почему бы и нет?

Сам Данилов не был сторонником «мимолетного производственного секса», считая, что делу время, а потехе – час, но прекрасно понимал, что кому-то такой способ восстановления сил мог очень даже нравиться. Роман Константинович, насколько можно было догадаться, тоже проявлял либерализм в этом вопросе, иначе бы не ставил Кочерыжкина в пару с его Мирой-Мирандой.

Сразу же по возвращении в отделение состоялась передача пациентов, иначе говоря – передача дежурства. Романа Константиновича – на консультацию во второе терапевтическое отделение, ввиду чего передачу проводил Кочерыжкин.

Ростислав Александрович превратил рутинную процедуру в настоящую церемонию. Взял с поста папку с историями болезни и, подобно Вергилию, водившему Данте по загробному миру, повел Данилова от койки к койке. Повел так повел – мало ли у кого какие привычки. Одни врачи рассказывают про больных в ординаторской, а потом уже совершают обход. Другие делятся сведениями прямо у койки, на которой лежит пациент, считая, что так удобнее и нагляднее. Кочерыжкин же устроил шоу, подолгу, словно не торопился уйти домой или еще куда, задерживаясь около каждой койки. Он был многословен, пересыпал свою речь дурацкими словосочетаниями вроде: «прошу вас обратить свое особое внимание», «имеющиеся в наличии показатели», «динамика заставляет лишний раз подумать» или «наши великие и могучие усилия». Данилова он упорно называл не по имени-отчеству и не «коллегой», а «доктором», причем вкладывал в это слово нечто снисходительно-покровительственное. Со стороны могло

показаться, что Данилов совсем недавно, едва ли не вчера, получил диплом, а вместе с ним и право именоваться доктором.

– Обратите ваше внимание, доктор, на кардиограмму. Кардиологи отказали в переводе, сочли эти изменения старыми рубцами...

– Я рекомендую вам, доктор, сегодня воздержаться от перевода...

– Этого пациента надо «капать» очень осторожно, доктор, буквально титровать...

– У вас есть вопросы, доктор? Нет? Тогда пойдем дальше!

– Итак, доктор, с чем вы здесь можете столкнуться...

Данилов вначале немного злился, а потом махнул рукой – ну чего хорошего можно ожидать от человека из подвида мудаковатых индюков? Чтобы он вел себя как нормальный мужик? Увы, чудес на свете не бывает, жизнь отличается от сказки тем, что в ней дураки никогда не превращаются в умных. Наоборот, к сожалению, случается.

Под конец церемонии все же пришлось «показать зубы». Кочерыжкин сам напросился, оборзел и решил воспарить еще выше, в горние сферы. Словно невзначай подвел Данилова к сестринскому посту, где сидела медсестра Наташа, и поинтересовался:

– А что же это вас, доктор, без стажировки сразу дежурить поставили? Вы даже толком еще не освоились?

И бровями еще поиграл для усиления эффекта, подвигал их вверх-вниз. «Тебе бы на сцене больших и малых академических театров выступать, а ты в реанимации прозябаешь», – посочувствовал про себя Данилов, а вслух произнес:

– Сочли, что справлюсь. Опыт кое-какой имеется, знания тоже есть. А вас, доктор, долго в стажерах держали?

Разумеется, и ядовитой иронии в голос подбавил, и на слове «доктор» ударение сделал. Вышло очень хорошо, так, как и было задумано – Кочерыжкина аж передернуло.

– Я здесь работаю очень давно, пришел прямо с кафедры анестезиологии и реанимации. Женился, первенца ждал, вот и пришлось бросить аспирантуру и пойти зарабатывать деньги. Я, к вашему сведению, самый старый сотрудник отделения, можно сказать – аксакал, Роман Константинович на пять лет позже меня пришел.

Здесь, по мнению Кочерыжкина, полагались если не аплодисменты, то хотя бы более скупые выражения восхищения, но Данилов не стал восхищаться, а пнул второй раз да по тому же месту.

– Позже пришел, да в заведующие вышел, – как бы про себя сказал он. – То есть в начальники, извините, не привык еще к новой специфике.

– Мне, если хотите знать, руководство отделением ни к чему! – Кочерыжкин возбудился и начал брызгать слюной, вынудив Данилова отступить назад и в сторону. – У меня отец почти двадцать лет главным врачом работал, и я с детства знаю, насколько тяжела и неблагодарна руководящая стезя! Мне идти на повышение предлагал еще прежний начальник госпиталя, да что там «предлагал», прямо вынуждал, чуть ли не с ножом к горлу! Давай, мол, и все! Дважды приказ готовили, но я уперся на своем и стоял! А вы говорите «пришел да вышел»!

– Я просто констатировал факт, доктор, – улыбнулся Данилов. – Простите, если случайно насыпал вам соли на старые раны, не хотел. Спасибо вам за столь доскональную передачу дежурства, не смею больше задерживать!

– Да я и не собираюсь задерживаться, – пробурчал Кочерыжкин. – Спокойного вам дежурства.

– А вам счастливо отдохнуть! – вежливо ответил Данилов, вытягивая из нагрудного кармана ручку. – Наташа, вы будете проверять назначения или я пока напишу дневники?

– Пишите, – разрешила медсестра.

По лицу Кочерыжкина было видно, что он не прочь поучить Данилова, как надо правильно писать дневники, во всяком случае, он явно хотел что-то сказать, но благоразумно передумал и потопал в ординаторскую за своим портфелем.

Верхнюю одежду и уличную обувь все сотрудники госпиталя оставляли на первых этажах своих корпусов, в служебных раздевалках. Как шутил Роман Константинович: «Самый простой и быстрый способ уволиться – заявиться в отделение в куртке и сапогах».

– Теперь Славик вам мстить будет, – сказала Наташа, как только Кочерыжкин ушел. – А здорово вы его на место поставили, вежливо, но жестко.

– Чего я должен опасаться? – Данилов перестал писать и посмотрел на Наташу. – Яда в чайнике или выстрела из-за угла.

– Ну зачем же так грубально? – укорила медсестра. – Он будет разить вас словом, рассказывать всем и каждому, какой вы тупой и недалекий. Ни на что большее Славик не способен, но сплетничать он умеет лучше любой старой бабки, это его призвание.

– А по ушам? – улыбнулся Данилов.

– А зачем? – улыбнулась в ответ Наташа. – Это же Славик, его все знают как облупленного и никто всерьез не воспринимает. Собака лает, ветер носит. Про меня он говорит, что я равнодушна к мужчинам и равнодушна к женщинам. Частично он прав, потому что к нему я абсолютно равнодушна. Я вас не смутила своей откровенностью?

– Нет, несколько, – ответил Данилов, хотя на самом деле был немного удивлен.

– Привыкайте, осваивайтесь, мы здесь одна большая семья. Никаких секретов друг от друга – все на виду.

– Это хорошо? – Данилов считал, что какие-то секреты у людей быть должны.

– Это прикольно! – рассмеялась Наташа.

Смеялась она не вполголоса, а еще тише. Профессиональная привычка, ведь громкое ржание, как и громкие разговоры в реанимационном отделении не приветствуются.

Глава третья

Доктор Половникова – дочь камергера

Сдача первого дежурства оказалась такой же «необычной», как и его прием. Началось с того, что доктор Половникова, которая должна была сменять Данилова, не явилась вовремя, и Роман Константинович отправился на утреннюю конференцию в одиночестве, оставив Данилова в отделении наблюдать за пациентами.

– Если что – так я и задержаться могу, – сказал Данилов. – Хоть на вторые сутки.

– «Дыры» я обычно затыкаю собой, – ответил начальник отделения. – Вот расширимся, народу побольше наберем, будет легче с заменами.

– С другой стороны, «дыр» прибавится.

– Это да, «дыр» прибавится, – согласился Роман Константинович и ушел «докладываться».

Данилов прошелся по отделению, убедился, что все пациенты подключены к мониторам и все мониторы работают как положено, и ушел в ординаторскую, чтобы взбодриться крепким кофе. Ночь выдалась хлопотная, суевливая. Один приезд «Скорой помощи», один перевод из отделения, кое-что по мелочи – не до кофе, короче говоря, было.

От таинства (а что такое – первая утренняя «дежурная» чашка кофе, как не таинство?) Данилова отвлек нарастающий дробный топот в коридоре – кто-то бежал к ординаторской. В реанимацию просто так не прибегают, скорее всего – привезли из отделения очередного «ухудшившегося» больного. Данилов отставил чашку и выскочил в коридор, где в него сразу же врезалось тело в белом халате. Хоть и с трудом, но Данилов устоял на ногах, заодно и тело поддержал, чтобы не упало.

– Извините, я так торопилась!

Тело оказалось невысокой, субтильной, коротко стриженной блондинкой балзаковского возраста. «Такая хрупкая, а неслась прямо как снаряд, чуть в стенку не впечатала», – подумал Данилов.

– Вы – новый врач, так? Даниил Владимирович? А я – Галина Леонидовна! – Лево́й рукой женщина поправила сползавший с плеча ремешок сумки, а правую протянула Данилову.

Ее руки выбивались из общего образа – широкие ладони, пальцы короткие и совсем не хрупкие.

– Очень приятно, – Данилов осуществил рукопожатие осторожно, вполсилы, – только я – Владимир Александрович.

– А Рома сказал – Даниил...

– Это фамилия моя Данилов.

– Значит, я все перепутала, извините. Моя фамилия – Половникова, и не вздумайте по примеру наших остряков называть меня Полковниковой, я на это очень плохо реагирую. При любых обстоятельствах, потому что достали.

– Не вздумая, – пообещал Данилов.

– Я так понимаю, что Рома еще не вернулся? – Половникова поставила сумку на стол, чуть ли не вплотную к даниловской чашке с кофе, а сама села на диван, закинула ногу на ногу и обхватила колени руками.

– Если вы имеете в виду начальника, то он еще на конференции. – Данилов сел на стул, взял чашку и сделал глоток, радуясь тому, что кофе не успел сильно остыть.

– Что – разве есть другой Рома? – удивилась Половникова.

– Хотите кофе? – спохватился Данилов.

– Нет, спасибо, – отказалась Половникова. – Тем более что растворимый кофе я не пью.

Данилов тоже предпочитал натуральный кофе, сваренный в джезве, но для варки такого кофе на работе не было ни условий, ни времени. Так что Половникова могла бы и воздержаться от уточнений. Ишь ты, дочь камергера, натуральный кофе ей подавай! Может, еще и лимончик нарезать? Тоненько так, на серебряном блюдечке?

– Мне бы отдышаться – бежала как ошпаренная, чуть ногу не подвернула. Представляете – на нашем перекрестке убрали левый поворот, теперь приходится пилить до следующего светофора, там разворачиваться, возвращаться в дикой пробке обратно и поворачивать направо! Как вам это нравится?

– Никак, – улыбнулся Данилов, – я на метро езжу.

– Что – не накопили еще на машину? – прищурилась Половникова. – Странно, вы же далеко не мальчик...

Никак не ожидавший подобной бесцеремонности Данилов едва не поперхнулся последним глотком кофе.

– Я, собственно, никогда на нее и не копил, – ответил он. – Не видел необходимости.

– Как это – не видели необходимости? А статус? – Половникова тряхнула головой. – Имидж, так сказать, состоявшегося мужика?

Избитый и заезженный психологический прием – задать человеку дурацкий вопрос, ответ на который будет звучать как оправдание, а затем попытаться загнать в угол при помощи еще более дурацких вопросов.

– Вы хотите продать мне вашу машину? – парировал Данилов.

– Нет, почему вы так решили? – удивилась Половникова. – Разве о моей машине речь?

– Раз у меня нет машины, то речь могла идти только о вашей. – Данилов намеренно сбил ее с толку не совсем логичным ответом, надеясь, что на этом вопросы прекратятся.

Зря надеялся – после недлинной паузы, явно потраченной на обдумывание ответа, Половникова задала новый вопрос. Столь же неожиданный.

– Владимир Александрович, разрешите узнать, а вы женаты?

Данилов молча кивнул. Ему встречались такие люди, которые сразу же после знакомства норовят выпытать всю подноготную. Ничего удивительного – гипертрофированное любопытство плюс недостаток воспитания. Комплекс «хочу все знать».

– Что-то я обручального кольца у вас не вижу...

У самой Половниковой обручальное кольцо было знатным – массивное, тяжелое, чуть ли не в два сантиметра толщиной.

Объяснять, что, по его мнению, на дежурстве в реанимации обручальное кольцо только мешает, Данилов не стал.

– А жена ваша следит за собой? – не унималась Половникова. – Она как вообще у вас, ухаживает?

«Ни хрена себе вопросы! – удивился Данилов. – Пора гасить».

– Вы хотите меня соблазнить и для этого интересуетесь, насколько хороша моя жена?

– Вот не надо со мной так. – Тон Половниковой стал угрожающим. – Не надо оскорблять!

– Разве я так плох, что меня и соблазнять не хочется? – гнул свою линию Данилов. – Хотя я и, как вы уже заметили, не мальчик, но тем не менее...

– Половникова, ну сколько же можно опаздывать! – Роман Константинович вернулся с конференции не в самом лучшем расположении духа. – Что мне с тобой сделать, чтобы ты прекратила опаздывать?

– Убей меня нежно! – не меняя позы, проворковала Половникова. – Я же не виновата!

– А кто виноват?

– Тот умник, который убрал левый поворот с нашего перекрестка. Кстати, нельзя ли узнать, кто это такой, и внести его имя в черный список?

– Галя, не валяй дурака! Поворот убрали в ноябре, на дворе – апрель, пора бы и привыкнуть!

– Ну как что, так сразу Галя! – умело копируя сельский украинский говор, изобразила возмущение Половникова. – А если я никак не привыкну, тогда что? Было бы о чем говорить – я опоздала на каких-то десять минут! Так я отдам эти несчастные десять минут. Владимир Александрович, когда будете сменять меня, можете прийти на пятнадцать минут позже, долг платежом красен, и про проценты забывать нечестно!

– Спасибо, но я не люблю опаздывать. – Данилов встал. – И задерживаться на работе сверх положенного тоже не люблю. Давайте я передам вам больных.

– Давайте! – Половникова тоже встала, подошла к столу и перебрала лежавшие на нем в раскрытой папке истории болезни. – Этого я знаю, эту я принимала, этого тоже знаю, и этого... Владимир Александрович, расскажите мне коротко про Бабаева и Королькова и идите домой.

– Никаких «расскажите мне коротко»! – Роман Константинович взял из папки все истории. – Пойдемте на обход. Что вообще означает «этого я знаю, того я знаю»? У нас реанимация, а не туберкулезная больница, где дневники пишут два раза в неделю! Тебя трое суток в отделении не было, что ты можешь знать про больных?!

– Рома, не свирепствуй, пожалуйста, – попросила Половникова, – тебе не идет. На обход так на обход, мне-то что? Я на дежурстве, это вот Владимир Александрович...

– Если так заботаешься о Владимире Александровиче, то приходи его сменять вовремя! – отрезал начальник отделения. – Пошли, хватит болтать!

Обход начальника Данилову понравился. Быстро, четко, все по делу и по уму. Можно долго торчать возле каждого пациента, переливая из пустого в порожнее, из порожнего – в пустое, и так до бесконечности. Некоторые профессора, учившие студента Данилова медицине, могли обсуждать больного по полтора часа, явно гордясь своей дотошностью и обстоятельностью. Уставали студенты, уставали больные, некоторые так просто интересовались, а не желает ли уважаемый профессор убраться из палаты вместе со своей свитой, а то дышать уже нечем. Правильный обход надолго не растягивается – увидели то, что надо увидеть, сказали то, что надо сказать, и пошли дальше. В медицине время – не только деньги, но и нередко чья-то жизнь.

Начинавших «качать права» (а это одно из любимых занятий пациентов реанимационного отделения, находящихся в сознании) Роман Константинович успокаивал на месте. Начальник отделения был невысок, лыс, изрядно лопоух, и только очки в очки в массивной старомодной черной оправе на маленьком носу придавали ему немного солидности. Однако несмотря на свою не очень представительную внешность, Роман Константинович умел внушать и убеждать.

– Я понимаю, что вам скучно лежать без очков, телевизора и свежей прессы. Это действительно не жизнь, а сплошное уныние. Но до завтра придется потерпеть, сегодня вы еще наш, если судить по состоянию.

Или:

– Я понимаю, что сало и сырокопченая колбаса хранятся долго, но в ближайшие дни вам придется обойтись без этих вкусовностей. Медсестра совершенно правильно отказалась принимать передачи...

Передачи больным, находящимся в реанимации, это особая тема. Почему-то большинство людей уверены в том, что без усиленного суперкалорийного питания на поправку пойти невозможно. Сало, колбасы-ветчины, шоколад и прочие сладости – все это, конечно вкусно, кому-то даже и полезно, но для пациентов реанимационных отделений не подходит. А родственники прут «вкусные вкусовости» сумками и очень обижаются, когда у них не принимают передачи.

Данилов вчера вечером успел выдержать одну «продуктовую атаку». Дочь одного из пациентов, пребывавшего в состоянии «отключки», то есть без сознания, пыталась передать отцу два больших пакета с едой.

– Ну и что, что мой папа без сознания? – тараторила она. – Когда он очнется, то сразу же захочет покушать, что я, своего папу не знаю? А что вы ему дадите? Тертую морковку и больничный суп? Лучше пусть он поест домашней еды, он так любит мою фаршированную курочку! Что значит – вы не берете скоропортящиеся продукты? Где вы видите скоропортящиеся? Если вы положите курочку в холодильник... Что, разве у вас нет холодильников? А где вы храните кровь для переливания? Ой, теперь я понимаю, почему у вас такая смертность!

– У нас нет холодильников для хранения продуктов, – успел вставить Данилов.

Разговор происходил в дверях отделения. Любящая дочь пыталась пройти к любимому отцу, а Данилов исполнял роль говорящего шлагбаума, закрытого и до крайности несговорчивого.

– Что значит – у вас нет холодильников для продуктов? Я понимаю, что это реанимация, а не гастроном! Так вы возьмете передачку? Она такая маленькая, что мне даже стыдно...

«Такая маленькая передачка» тянула килограмм на шесть-семь, если не на больше.

– Не возьму, извините! – ответил Данилов и, устав от общения, просто закрыл дверь перед носом у чрезмерно настойчивой дамочки и повернул торчавший в замочной скважине ключ.

Дамочка явно относилась к породе людей, на которых доводы и объяснения не действуют. Она пару раз ткнулась в дверь, но потом все же ушла, убедившись в том, что больше никто с ней разговаривать не станет.

Во время обхода Половникова продемонстрировала еще одно малопривлекательное качество. Она без особого на то повода критиковала назначения других врачей, причем делала это напоказ, предваряя обязательным: «Мне кажется, что лучше и правильнее было бы...» Замечания ее носили второстепенный, если не третьестепенный характер и не могли существенно повлиять на эффективность лечения, но подавались они с таким важным видом, словно речь шла о чем-то архиважном и архинужном. К тому же Данилов заметил, что Половникова выступает только возле тех пациентов, которые находятся в сознании и, следовательно, способны оценить ее, так сказать, профессионализм. Было ясно, что доктор Половникова то ли пытается набрать клиентуру, то ли создает о себе суперпозитивное впечатление, надеясь, что это поможет ей в карьерном росте. Говоря по-простому Половникова «тянула на себя одеяло». Этого Данилов в людях очень не любил и совсем не понимал. То есть понимал, что одеяло тянется корысти ради, но как так можно себя вести, не понимал.

Короче говоря, на Половниковой в плане человеческих и профессиональных взаимоотношений можно было поставить крест. Вдобавок Данилов сделал вывод о том, что Половникова не блещет умом и ей не хватает профессионализма. Была бы умнее – делала бы другие замечания, более толковые. Данилов немного удивился тому, что начальник отделения ни разу не оборвал умничанья Половниковой, но решил, что Роман Константинович попросту привык к ним, не принимает их всерьез и оттого никак не реагирует. А может, у них какие-то особые отношения, кто их знает?

Закончив обход, Роман Константинович сразу же ушел к себе.

– Есть разговор, – сказала Данилову Половникова, указывая глазами на дверь ординаторской.

Слегка заинтригованный Данилов прошел за ней в ординаторскую. Расселись в прежнем порядке – Половникова на диване, Данилов – на стуле.

– Вы напрасно думаете, что мне нужны поклонники... – начала Половникова.

Данилов так не думал, но возражать поленился.

– ...поклонники мне не нужны, хватит с меня и Ромы со Славиком. Вообще-то я замужем, мой муж офицер, настоящий.

– Бывают ненастоящие офицеры? – удивился Данилов.

– Еще сколько! – скривилась Половникова. – Это те, кто пороху не нюхал. А вот мой муж прошел все горячие точки, какие только были. Он летчик, подполковник. Но я задержала вас не для того, чтобы похвастаться мужем и поклонниками, а для того, чтобы объясниться, то есть объяснить вам, почему я интересовалась вашей женой. Кстати, а может, у вас еще и дочь есть? Взрослая, не дошкольница?

– Вы собирались объяснить... – напомнил Данилов.

– Собиралась, собиралась. Так вот, мой интерес был вызван не тем, что вы подумали, а желанием предложить вашей жене, и не только ей, умопомрачительную косметику фирмы «Белецца де оро», уполномоченным дилером которой я являюсь. Что вы так на меня смотрите? Да, я подрабатываю где могу, сколько получают военные, вы, наверное, слышали, а у нас дочь-школьница, и вообще, хочется жить хорошо, ни в чем себе не отказывая. Если будет интересно, я могу принести проспекты.

– Наверяд ли, – улыбнулся Данилов, – если у вас все, то я, пожалуй, пойду...

– Еще минуточку! Посмотрите на меня! – Половникова задрала подбородок и повертела головой. – Есть у меня на шее морщины?

– Нет.

– А на лице? – Вращения головой повторились при опущенном подбородке. – Ну, хоть одна?

Данилов отрицательно помотал головой.

– Это еще не все, видели бы вы мою грудь! – тоном, в котором гордость мешалась с пафосом, сказала Половникова. – Не грудь, а настоящая песня-сказка! И все благодаря омолаживающим чудодейственным кремам и лосьонам от «Белеццы»!

Казалось, что она сейчас скинет одежды и не только предъявит, как говорится, товар лицом, но и даст потрогать. Данилов посильнее сжал челюсти, чтобы ненароком не сказать нечто такое, что выйдет за рамки светской беседы. В конце концов, с коллегами следует поддерживать если не дружеские, то хотя бы ровные отношения, без конфронтаций. Тем более здесь, в реанимационном отделении, где с коллегами ненадолго встречаешься по утрам во время приема-передачи дежурств. Можно и сделать небольшое усилие над собой – не смеяться над коллегами и не быть с ними чрезмерно резким.

– Вот мне никто не дает больше двадцати двух – двадцати пяти лет, хотя на самом деле мне... малость больше.

Данилов понял, что от него ожидают чего-то вроде: «Ах, да вам больше двадцати не дашь!» – но предпочел промолчать.

– «Белецца де оро» не тратит деньги на рекламу, а вкладывает их в исследования. Известность у этой компании не слишком велика, но репутация в косметологических кругах очень высокая...

– А еще она использует для производства своей продукции только натуральные ингредиенты, среди которых очень много редких, даже уникальных.

– Верно! – улыбнулась Половникова. – А откуда вы знаете? Имели дело с «Белеццей»?

– Нет, с «Белеццей» дела не имел, но сетевой маркетинг – это так предсказуемо. Уникальный товар, нежелание тратиться на рекламу и прочие «трали-вали». Разве я не прав?

– Думайте, что хотите! – поскущнула Половникова. – У меня и без вас клиентов хватает! Товара, бывает, не хватает, а клиенты есть всегда! Я просто хотела сделать вам приятное, как коллеге...

– Спасибо, Галина Леонидовна, – вежливо поблагодарил Данилов, вставая со стула. – Счастливого дежурить!

Он взял с подоконника свою сумку (шкафов, за исключением небольшого висячего шкафчика для посуды и чая-кофе, в ординаторской не было) и подошел к двери.

– Если нужна будет недорогая мебель – обращайтесь, – сказала Половникова. – У меня есть знакомые ребята из Могилева, привезут в лучшем виде прямо домой и процентов на тридцать дешевле, чем в магазине.

– А антиквариатом вы не занимаетесь? – спросил Данилов.

– Нет, а что?

– Так, ничего, для полноты картины не мешало бы. – Данилов сгладил колкость улыбкой и вышел из ординаторской.

В раздевалку набилась толпа студентов, Данилов, помня по собственному опыту, что студенты переодеваются быстро, решил подождать в коридоре. От нечего делать начал рассматривать стенд с бодрым заголовком «Возвращаем в строй». Каждое отделение, разве что за исключением онкологического и патологоанатомического, было представлено одной-двумя фотографиями. На одной из фотографий Данилов увидел групповой снимок первого реанимационного отделения. В центре стоял, бликуя своей лысиной, Роман Константинович, справа от него – старшая сестра, слева – представительный и надменный Кочерыжкин, из-за плеча которого выглядывала Половникова.

Кроме начальника отделения и Кочерыжкина на снимке присутствовал еще один мужчина, худой, высокий, лысый и очкастый. Он немного походил на Романа Константиновича, но был на голову выше и уши его не смотрели в стороны. Данилов предположил, что это не кто иной, как доктор Чернов, последний из коллег, с которым оставалось познакомиться. Рассмотрев Чернова повнимательнее, Данилов не нашел в его внешности ничего отталкивающего или не располагающего. Обычный мужчина, на вид – сверстник или немного старше. «Ну, хоть этот должен оказаться нормальным человеком, – понадеялся Данилов, – а то совсем труба, не с кем пообщаться! Индюк и барыга-спекулянт, ничего себе коллеги. Бедняга начальник, трудно ему, наверное, руководить такими перцами».

Студенты ушли, можно было идти переодеваться, а Данилов все занимался «прикладной физиогномикой», пытаясь убедить себя в том, что знакомство с доктором Черновым его не разочарует.

По большому счету Данилову было все равно, но все же, когда тебя окружают хорошие люди, работать приятнее. Опять же, хотя бы один из коллег-докторов должен быть нормальным хорошим человеком. Мало ли что потребуется – дежурствами поменяться, совета спросить или, к примеру, обсудить какой-нибудь интересный случай. И пациентов, с которыми возился целые сутки, хочется передавать в надежные руки хорошего человека и настоящего профессионала.

Вспомнив, как выпендривалась во время обхода Половникова, Данилов негромко выругался и пошел переодеваться. Самое неприятное, когда ты вымотался на сутках, где угодно, хоть на «скорой», хоть в реанимации, хоть в приемном покое, – это возвращение домой. Во время работы раскисать некогда, а стоит только переодеться и выйти на улицу, как наваливается усталость и хочется спать. Минуты растягиваются в часы, и кажется, что ты никогда не доедешь до дома. А вот если устал не очень, то можно прогуляться, зайти куда-нибудь, чтобы неторопливо выпить кофе, съесть что-то вкусное и неторопливо думать о делах зная, что впереди куча свободного времени. Это так важно – знать, что время сейчас принадлежит тебе и ты можешь неторопливо и щедро им распоряжаться... До тех пор, пока не наступит пора бежать сломя голову или просто идти на следующее дежурство.

Все проходит, и это пройдет. И хорошо, что все проходит, ведь смена впечатлений убеждает от скуки. А самое главное в жизни – это не заскучать.

Глава четвертая

Доктор Чернов – Витя-дятел

График дежурств в первом реанимационном отделении был ритмичным – сутки дежурим, трое суток отдыхаем. Функции дневного врача, выходящего на работу в дневную смену по обычному графику «пять дней работаем, два отдыхаем», исполнял начальник отделения.

При таком раскладе знакомство Данилова с доктором Черновым, принимавшим отделение у Половниковой и передававшего Кочерыжкину могло состояться лишь тогда, когда Половникова или Кочерыжкин заболеет (как вариант – уйдет в отпуск) и график дежурств уплотнится.

На деле Данилов познакомился с Черновым во второе свое дежурство. Кочерыжкин, очередное дежурство которого совпало с юбилеем его отца, поменялся с Черновым сменами.

Данилов об этом не знал, поэтому, не увидев поутру на сестринском посту Миранду, проявил деликатность – не стал ломиться в ординаторскую, а постучался и стал ждать, когда ему откроют.

Открыли сразу, практически мгновенно, со словами:

– Зачем стучаться? Ординаторская не туалет, чтобы в ней запирались...

– Мало ли что, – ответил Данилов, входя в ординаторскую. – Разные бывают обстоятельства. Доброе утро, я ваш новый сотрудник...

– Я в курсе. – Доктор Чернов оказался тем самым третьим мужчиной с фотографии, только сейчас его лысину прикрывал мятый колпак. – Вы – Владимир Александрович, а я Виктор Владимирович, между собой, я думаю, обойдемся без отчеств. У нас, если вы успели заметить, принято без церемоний.

«Иногда даже чересчур без церемоний», – подумал Данилов, пожимая руку Чернова.

Внимание Данилова привлек стоявший на столе четырехрозеточный удлинитель, утыканный зарядными устройствами.

– Аккумуляторы заряжаю, – прокомментировал Чернов. – Плеер, фотоаппарат, фонарик... Батареек не напасешься. Начмед однажды увидел – выговор мне влил.

– За что? – Данилов занялся раскладкой своего «суточного пайка» – бутерброды и банку шпрот (теплые шпроты – такая гадость, хуже вашей заливной рыбы!) убрал в холодильник, а пачку овсяного печенья – в шкафчик.

Для разогревания или даже приготовления еды в ординаторской имелась микроволновка, но Данилов на дежурствах привык питаться максимально просто, по принципу: «взял, откусил, положил и побежал работать дальше». Какой смысл тащить из дома в судках или банках обед из трех блюд и разогревать его или же связываться с готовкой на работе?

– За нарушение норм электробезопасности – эксплуатацию нелегального оборудования. Скинуться на электрический чайник и нещадно его эксплуатировать – это всегда пожалуйста, а зарядку нельзя. Я попытался ему объяснить, что зарядки абсолютно пожаробезопасны, тем более что подключаю я их через качественный сетевой фильтр, но он и слушать не стал. Теперь я принципиально заряжаю аккумуляторы только на работе – хоть частично компенсирую материальные потери.

– Какие? – Данилов подошел к столу и просмотрел титульные листы историй болезни; знакомых пациентов не было – за время его отсутствия контингент обновился полностью.

– Неполученные премии. У нас жестко – получившие выговор на квартал лишаются всех премий, даже юбилейных.

– Жестко – это когда на год, на весь срок действия выговора, – сказал Данилов, вспомнив порядки на «Скорой».

– Если у нас за выговор будут лишать премий на год – все поувольняются на хрен. – Чернов включил чайник. – Побалуемся чайком до пятиминутки? У меня есть совершенно уникальный чай, который можно заваривать семь раз и всякий раз получать новый вкус!

– Я лучше кофе, – поспешил отказаться Данилов.

– Увы, вы не ценитель, – констатировал Чернов, но настаивать не стал.

Заварив чай, судя по цвету получившегося напитка – раз в пятый, если не в седьмой, Чернов начал рассказывать Данилову про больных.

– Минасян у нас впервые, кетоацидотическая кома, спасибо поликлиническому эндокринологу. Сейчас сахар одиннадцать, в сознании, уже хочет выписаться домой. Вы, кстати, в курсе, что мы никогда не выписываем больных из реанимации по собственному желанию? Переводим на отделение, и пусть они там разбираются.

– В курсе.

– Если эндокринологи будут вас доставать, шлите их... подальше.

– А чем они могут доставать?

– Вопросами и указаниями, чем же еще? – Чернов удивленно посмотрел на Данилова. – Второй диабетик у нас Петяева, переводом из отделения с нарушением мозгового кровообращения. Невропатологи смотрели дважды – в отделении и у нас. На сегодня я их тоже вызвал. Если будут доставать, то...

– И невропатологов тоже? – улыбнулся Данилов.

– Вы что – первый день в реанимации?! Нас достают все, кроме патологоанатомов. Тех мы сами достаем. Парадокс – мы всех вытягиваем, латаем все дыры, исправляем ошибки, и нам же больше всех достается...

Больные отошли на второй план – до появления начальника отделения Чернов рассуждал на тему «кто больше всех работает, того больше всех пинают», а Данилов, которому подобные монологи о вселенской несправедливости успели надоесть еще в интернатуре, самостоятельно знакомился с историями болезни, даже не затрудняясь притворяться, что он слушает. Люди, вещающие столь самозабвенно, не нуждаются в том, чтобы их слушали, им достаточно одного лишь присутствия слушателя, ведь на самом деле они говорят-проговаривают только для себя. Сами задают вопросы и сами же на них отвечают, ведь нет ничего увлекательнее, чем беседа с самим собой.

– Кто о чем, а вшивый о бане! – прервал монолог Чернова Роман Константинович. – Виктор, кто тебя на сей раз обидел?

– Я сам кого хочешь обижу! – вскинулся Чернов. – Порву не глядя.

– Скорее заболтаешь до смерти, красноречивый ты наш! – перебил начальник. – Надеюсь, что ты уже выговорился и доложишь больных по существу, без философии.

В ожидании «большого» обхода с начальником отделения и сдающим дежурство Черновым Данилов начал свой «маленький» обход – знакомство с больными плюс оценка основных показателей. Отделение было загружено по полной – семь человек. Как везде принято, шестикоечное отделение на самом деле имело девять коек – шесть основных и две резервных, стоявшие в зале, и однокоечный бокс с тамбуром и санузелом. По идее бокс предназначался для пациентов с инфекционными заболеваниями, на деле это была реанимационная вип-палата с непременно телевизором на потолочном кронштейне.

На шум у входа в отделение Данилов поначалу не обратил внимания. Каталка не громыхла (по идее медицинская каталка на резиновых колесах должна катиться бесшумно, но это только по идее), значит, никого не привезли. Но вскоре громкость разговора увеличилась, и по доносившимся обрывкам фраз Данилову стало ясно, что кто-то настойчивый и непреклонный хочет видеть доктора. Для общения врачей с родственниками больных установлены специальные часы – с тринадцати до четырнадцати и с восемнадцати до девятнадцати, но не все могут приехать в это время, да и мало ли какая может случиться нужда?

Данилов подошел к двери. Медсестра Наташа обернулась, сделала круглые глаза, сигнализируя о том, что общаться с женщиной, стоящей по ту сторону «границы» – порога реанимационного отделения, непросто.

– Идите работайте, Наташа, я поговорю, – сказал Данилов.

Он вышел в коридор, закрыл за собой дверь и представился молодой брюнетке в строгом светло-сером деловом костюме:

– Дежурный врач Данилов. Слушаю вас. Если можно, потише, здесь все-таки реанимация.

– А другой доктор, лысый такой и в очках? – понизив голос, спросила женщина.

– Он на конференции, вернется минут через десять – пятнадцать, можете подождать его здесь.

– Нет, я тогда лучше с вами! – Словно боясь, что Данилов уйдет, женщина схватила его за руку. – У меня всего один вопрос!

– Слушаю вас, – повторил Данилов, мягко высвобождая руку. – Только сначала представьтесь, чтобы я знал, с кем имею честь...

– Я племянница Зявкина, которого вчера перевели к вам из пульмонологии.

Зявкина Данилов уже осмотрел.

– А звать вас как?

– Марина.

– Могу вас, Марина, немного обрадовать – статус купирован, скорее всего, ваш дядя сегодня вернется в отделение.

– Вы не шутите? А вы не перепутали?

– Я разговаривал с ним пять минут назад.

– А легкие слушали?

– Слушал и давление измерил. Сейчас придет начальник и будет общий обход, после которого решится, кого сегодня переводим, а кого оставляем. Но насколько я понимаю, ваш дядя – один из первых кандидатов на перевод.

– А почему медсестра мне этого не сказала?

– Потому что сестры не дают никакой информации о больных. Таковы правила.

– Но с ним точно все в порядке?

– Скажем так – он компенсировался, перестал задыхаться, вернулся в свой обычный жизненный ритм.

– А что с ним было?

– Астматический статус, если по-простому – то сильный и затянувшийся приступ астмы. Такое бывает.

– А ваш напарник так нас напугал. – Женщина покачала головой. – Мы с сестрой примчались к вам вчера вечером, когда узнали, что дядю Мишу перевели в реанимацию. Так нам все в таком мрачном свете представили... Смешали все в кучу – и отек легких, и фатальную надпочечниковую недостаточность, и нарушения психики. Мы всю ночь в Интернете самообразованием занимались. Неужели нельзя было просто сказать, что это астматический статус и что есть надежда на поправку?

«Можно было, – подумал Данилов. – Только об этом уместнее спрашивать не меня, а Чернова».

– Видите ли, Марина, – сказал он, – это постфактум легко оценивать случившееся, а в момент приступа надо помнить и о возможных осложнениях, учитывать самые худшие варианты...

– Учитывайте на здоровье, кто вам мешает?! – Женщина повысила голос, но Данилов приложил указательный палец к губам, призывая ее говорить потише. – Извините. Помните,

учитывайте, но зачем родственников так пугать, чуть ли не до усрачки, прошу прощения за выражение! Мы же места себе не находили!

– Давайте будем радоваться тому, что сейчас у нас все хорошо, ладно?

Данилов улыбнулся и, не дожидаясь ответа, скрылся за дверью, чтобы не принимать даже пассивного участия в заочном обсуждении поведения своего коллеги. Если есть претензии к доктору, то их следует изложить ему или его начальнику, а не другим докторам, которые тут вообще ни при чем.

– Как вы ее сразу погасили! – похвалила Наташа. – У нас только Роман Константинович так умеет.

– Никого я не гасил, просто поговорил с человеком.

– Владимир Александрович, зайдите ко мне на минуту! – пригласила, выглянув из своего кабинета, старшая сестра Любовь Дмитриевна.

Кабинет старшей сестры был одновременно и аптечным складом отделения. Подобное практикуется чуть ли не повсеместно, потому что выделять для хранения лекарств, полученных из общей аптеки, целую комнату – это очень жирно. Не так ведь много этих лекарств, примерно трех-четырехдневный – максимум недельный – запас.

– Вы собираетесь участвовать в наших «поздравлялках»? То есть сдавать деньги на подарок к дням рождения? – Любовь Дмитриевна говорила быстро, практически не делая пауз между словами. – Мы скидываемся по триста рублей, чтобы подарки были мало-мальски значимыми – чайник, мясорубка, фен, набор посуды, парфюм. Деньги в конверте не дарим – подарок должен быть подарком, вещью!

– Собираюсь, – ответил Данилов. – Дело хорошее.

– Тогда я запишу вас в свою «подарочную» тетрадку. – Тетрадка была потертой и по перегибу проклеенной скотчем, явно служила не первый год. – У вас, кстати, когда день рождения?

– Двадцать второго июля.

– Так вы – матерый Рак? – удивилась Любовь Дмитриевна, открывая тетрадку.

– Почему «матерый» и почему вы так удивляетесь? Разве я больше похож на Скорпиона?

– Матерый, потому что родились в последний день Рака, а впечатление производите... – Любовь Дмитриевна закатила глаза, словно прислушиваясь к внутреннему голосу, – ...по впечатлению вы – Стрелец.

Настал черед удивляться Данилову. Вообще-то он не верил во всю эту зодиакальную галиматью, а на вопрос о том, кто он по знаку Зодиака, отвечал что в голову взбредет (чаще всего почему-то назывался Козерогом или Девой), путая знакомых несовпадающими ответами. Но тем не менее Данилов помнил, что Стрельцов принято считать веселыми обаятельными оптимистами. Кое-какой оптимизм у Данилова имелся, но вот весельчак-обаяшка из него был никудышный.

– Почему именно Стрелец?

– Потому что впечатление такое! – Старшая сестра рассмеялась и кокетливо поиграла бровями. – А какой бы подарок вам хотелось получить в этом году?

– Давайте я скажу позже, ближе к дате.

– Позже так позже. Если ничего не надумаете – получите электрический чайник, наш стандартный подарок.

«Логично, – подумал Данилов. – Лишний чайник всегда пригодится в хозяйстве. Универсальный подарок!»

– Что-то там наши доктора задержались... – Любовь Дмитриевна озабоченно посмотрела на настенные часы.

– Придут, никуда не денутся.

Данилов вышел в коридор и сразу же увидел легких на помине Романа Константиновича и Чернова. Нетрудно было заметить, что оба они чем-то недовольны – Роман Константинович

хмурился, а от пунцового Чернова можно было прикуривать. Данилов решил, что им попало за что-то на конференции, но с расспросами и утешениями лезть не стал, захотят – сами расскажут. Увидев Данилова, Чернов устремился к нему.

– Начинаем обход! – сказал Роман Константинович.

Чернов зло посмотрел на Данилова и прошел мимо него в ординаторскую.

– Истории на посту, Виктор Владимирович! – сказала Наташа.

Чернов развернулся и пошел обратно.

Во время обхода Чернов ни разу не посмотрел на Данилова, словно никакого Данилова не было вовсе. Данилова очень заинтриговала подобная перемена в поведении, но соваться с расспросами к человеку, который демонстративно тебя игнорирует, было глупо. «Когда Чернов уйдет домой, спрошу у начальника, что там случилось», – решил Данилов.

Спрашивать у Романа Константиновича не пришлось. После обхода Чернов вошел в ординаторскую следом за Даниловым, закрыл дверь и сказал:

– Так вот ты какой, северный олень!

Ершистый тон, каким были сказаны эти слова, Данилову не понравился. Он положил папку с историями на стол, обернулся, посмотрел Чернову в глаза и попросил:

– Можно без ненужной патетики? Просто скажи, что случилось?

– А ты не знаешь? – насупился Чернов, подходя на шаг и останавливаясь в метре от Данилова.

«Вот мы уже и на «ты» перешли. Неужели еще и подеремся для более тесного сближения? – подумал Данилов. – Не хватает рефери и толпы зрителей. Впрочем, стоит только начать, как зрители тут же набегут».

– Не знаю.

– Можно подумать, что с родственницей этого старого пердуна не ты разговаривал?

– Я разговаривал только с родственницей Зявкина, – уточнил Данилов, – и если хочешь знать, слова «пердун» и «пациент» синонимами не являются.

– У нас – очень даже являются! – На скулах Чернова заходили желваки. – И не надо всяким тут лезть в наш монастырь со своим уставом! И не надо выставлять других дураками!

– Может, присядем и разберемся? – предложил Данилов, не отводя взора от гневных глаз Чернова. – Если словами не обойдемся, тогда можно будет перейти к более активным действиям...

– Присядем, – согласился Чернов и сел на стул.

Данилов удобно устроился на диване, демонстрируя поистине олимпийское спокойствие.

– Выкладывай свои претензии.

– У меня не претензии, – Чернов помотал головой, – у меня есть вопросы. Первый – зачем тебе понадобилось делать из меня идиота? И второй – что ты ей конкретно наплел?

– Давай я начну со второго вопроса. Я ничего не наплел, как ты изволил выразиться, а просто сообщил, что Зявкину стало лучше и что, скорее всего, его сегодня переведут в отделение.

– И обосрал меня с ног до головы!

– Чтобы совершить этот подвиг, надо иметь крылья и способности бегемота, – съязвил Данилов. – Тебя я вообще не упоминал, а вот племянница Зявкина выразила серьезное недовольство тем, как сильно ты сгущаешь краски. Я на это ответил, что мы обычно исходим из худшего, и на этом разговор закончился.

– А потом она набросилась на меня в коридоре и начала орать о том, что я садист, что я без всяких на то оснований пугаю родственников, что она сейчас пойдет к начальнику госпиталя... Что ты улыбаешься? Думаешь, я вру? Спроси у Ромы, при нем дело было!

– Верю я, верю. – Данилов сделал над собой усилие, чтобы перестать улыбаться. – Она и мне высказала нечто подобное. Только при чем тут я? Это твой персональный косяк – не умеешь правильно общаться с родственниками. Учиться, кстати, никогда не поздно.

– Это ты мне предлагаешь учиться общению с родственниками? – уточнил Чернов. – Мне? Человеку, который отработал врачом пятнадцать лет?

– Тебе, – подтвердил Данилов. – Но дело твое, если не хочешь, то можно и не учиться. Ко мне какие претензии?

– Претензии я уже озвучил!

– Виктор Владимирович! – Данилов перешел на подчеркнуто официальный тон. – Мне надо написать дневники и переводной эпикриз Зявкину. И вообще – я на работе. Если у вас все, то давайте на этом закончим, а то у меня от пустых разговоров голова болит.

Голова и впрямь стала тяжелой, и заломило в висках. «Ну и контингент у Константиныча, – подумал Данилов. – Дурак на дураке, и все такие гоношистые! Можно только посочувствовать!»

– Мне торопиться некуда, – ответил Чернов. – Пишите свои дневники, а потом мы продолжим.

«Ну ты, Витя, и дятел!» – восхитился Данилов.

Писать дневники в присутствии Чернова не было никакой охоты. Так ведь и сорваться можно, самообладание самообладанием, но держать себя в руках до бесконечности невозможно.

– Ладно, давай договорим сейчас, – вздохнул Данилов. – Что ты еще хочешь сказать?

– Я хочу сказать, что ты не так начинаешь, плохо начинаешь, а кто плохо начинает, тот плохо кончит!

Выдав это предупреждение, выдержанное в духе крестных отцов сицилийской мафии, Чернов замолчал. Данилов подождал несколько секунд, затем встал, взял со стола истории болезни и вернулся с ними на диван. Просить Чернова освободить стул или подвинуться, чтобы можно было усесться за стол на другом стуле, Данилову не хотелось. Ничего, дневники и на коленке написать можно.

Под тяжелым взглядом Чернова писать было не очень приятно, но что поделать – не выставлять же его за шкирку из ординаторской? Вот уж будет потехи на весь госпиталь – драка дежурных реаниматологов, битва титанов от медицины.

К третьему дневнику Чернов, должно быть, устал сверлить Данилова глазами. Он встал, достал из-под стола свой черный спортивный рюкзак, положил в него книгу лежавшую на подоконнике (Данилов немного удивился тому, что в редкие минуты отдыха доктор Чернов читает Конфуция), потоптался, оглядываясь – не забыл ли чего, и вдруг выдал:

– Я, конечно, понимаю, откуда что берется, но все равно – так нельзя!

– Откуда же что берется? – спросил Данилов, продолжая писать.

– В вашем случае, – теперь Чернов решил перейти на «вы», – со «Скорой помощи». Вы ведь оттуда, не так ли?

– Отчасти. – Данилов закрыл историю болезни и поднял голову. – И что с того? Чем вам не нравится «Скорая помощь»?

– Скорая – питомник нахалов! – выпалил Чернов.

– А вы на «Скорой» не работали? – уточнил Данилов, подавляя желание продемонстрировать коллеге, до каких пределов может дойти нахальство бывшего выездного врача.

– Бог миловал! – как-то очень по-хамски ответил Чернов. – Я вообще ни дня не работал на «Скорой»! И не надо мне говорить, что я не вправе делать выводы – я много общаюсь с этой публикой. Все скорпомощники наглые, любят выпендриваться перед родственниками, а на самом деле...

Чернов махнул рукой, то ли горестно, то ли презрительно и быстро вышел, не дожидаясь ответа Данилова.

Кто только не критикует «Скорую», и коллеги-медики в том числе. К критике (на девяносто девять процентов – совершенно необоснованной) Данилов привык давно. Бывало, проскальзывали у врачей стационаров, которым «Скорая» привозила больных, выражения и покрепче тех, что употребил Чернов. Чернов, надо отдать ему должное, высказался довольно корректно. Данилов вспомнил доктора Спиридоненко, врача приемного отделения сто тридцать шестой больницы. Тот, если пребывал в плохом настроении, то есть по каким-то необъяснимым причинам дежурил трезвым, мог обозвать сотрудников «скорой» «тупыми кретинами», «извозчиками», «недоврачами» или еще как. Данилову он, правда, не хамил, берег здоровье.

Что делать с такими типами? Показывать вкладыш к диплому с оценками, чтобы доказать, что ты не «переползал с тройки на тройку»? Вызвать на научный диспут и задавить интеллектом? Набить морду? Увы, ничего не поможет – горбатого только могила исправит. Обзаведясь предрассудками, люди не склонны расставаться с ними. Но и молчать тоже нельзя – не встречая сопротивления, дураки борзеют и норовят сесть на голову. Хочешь не хочешь, а на место ставить приходится.

Общение с пациентами или их родственниками не раз оборачивалось для Данилова конфликтом с кем-то из коллег. Иногда люди, намеренно или случайно, что-то передергивают, иногда что-то домысливают, вот как сегодня Чернов. Нет, все-таки что ни говорите, а придем, придем мы к тому, что все врачи будут общаться с пациентами и их полномочными представителями только под включенный на запись диктофон. «Купить, что ли, диктофон? – подумал Данилов. – Всего каких-то три тысячи, а как удобно!»

Зазвонил городской телефон. Телефонов в ординаторской было два: городской и внутренний. Кто-то очень удобно и мудро настроил звонки – городской аппарат издавал негромкое низкое гудение, а местный звонил громче и пронзительней. Все правильно – по внутренней, рабочей, линии всегда звонят по делу, а по городской – далеко не всегда. Мобильные телефоны в первой реанимации было принято оставлять в ординаторской и в зал с ними не выходить. Не столько из-за опасения, что мобильники могут помешать работе мониторов и другой аппаратуры (с этим вроде как проблем не было, то ли аппаратура была хорошей, то ли современные мобильные телефоны избавились от большинства побочных эффектов), сколько по этическим соображениям. Не очень хорошо, когда во время обхода или, к примеру, оказания реанимационного пособия в кармане у врача начинает подавать голос телефон.

Данилов снял трубку:

– Первая реанимация.

– Здравствуйте, скажите, это у вас лежит Савочкин? – спросил женский голос. – Нам в справочной сказали, что он лежит у вас!

– Лежит, – подтвердил Данилов.

– Как его состояние?

– Тяжелое.

– А подробнее?

– Подробнее по телефону нельзя.

– Я понимаю – врачебная тайна, вы мне только скажите – он жив или нет, а то у меня очень плохое предчувствие. Я его жена.

– Пока жив, а что будет дальше, покажет время.

– А вы давно его видели?

– Четверть часа назад.

– Я вас очень прошу – посмотрите сейчас, а то мне как-то не по себе.

– Хорошо, подождите минуточку...

Данилов положил трубку, вышел в зал, подошел к лежавшему без сознания Савочкину (тяжелейшее нарушение мозгового кровообращения в каких-то пятьдесят два года), посмотрел на зубцы, бегущие по экрану монитора, прислушался к ритмичному шуму аппарата искусственной вентиляции легких, вернулся в ординаторскую и сообщил жене пациента:

– Жив, но состояние тяжелое. Пока без сознания.

– Скажите, пожалуйста, доктор, – заторопилась собеседница, беспокоясь, что Данилов сейчас повесит трубку, – а когда он придет в сознание, я смогу навестить его вместе с нотариусом?

– В реанимации посещений нет.

– Даже для нотариуса нельзя сделать исключение? – удивилась женщина. – А верно ли, что если пациент в тяжелом состоянии, то врачи могут удостоверить завещания и без нотариуса? Своей печатью?

– Для подписания завещания нужно в первую очередь быть в сознании и отдавать себе отчет в своих действиях, – резко сказал Данилов. – Дождитесь сначала улучшения.

– Я дождусь, – пообещала женщина. – А у кого можно узнать ваши тарифы на удостоверение завещаний?

Данилов повесил трубку.

Завещания пациентов, проходящих лечение в стационаре, вправе удостоверить главные врачи, их заместители по медицинской части и даже в особо срочных случаях – дежурные врачи. Для удостоверения непременно нужен один свидетель. Только насколько было известно Данилову, медики удостоверяли завещание бесплатно, руководствуясь, как им и положено, не корыстью, а высокими гуманистическими принципами.

– Роман Константинович, а вам когда-нибудь доводилось заверять завещания пациентов? – спросил Данилов у вошедшего в ординаторскую начальника отделения.

– Нет, и надеюсь, что никогда не доведется, – ничуть не удивившись вопросу, ответил Роман Константинович. – Представляю, сколько потом по судам бегать приходится, доказывать, что ты не верблюд и наследники тебя не подкупили.

Глава пятая

Квартирный вопрос

Работа в «ведомственной медицине» имеет ряд преимуществ.

Первое, и самое главное, самое значимое преимущество – отсутствие «перегрузок». В ведомственных стационарах редко можно увидеть пациентов, лежащих в коридоре. И не потому, что там избыток мест, а потому, что загрузившись под завязку, ведомственный стационар больше никого не принимает. Всех, кому не хватило ведомственных мест, принимает обычное, городское здравоохранение, безотказное и безразмерное.

Данилов помнил, как в сто тридцать третьей больнице, где он проходил интернатуру, во время авралов закатывали в реанимацию позаимствованные из отделений койки и расставляли их так, чтобы места боком пройти хватило. Отдел госпитализации на вопли о перегрузе стандартно отвечал: «Что вы хотите – везде такая ситуация! У всех «перегруз»! Что ж теперь – больных дома или на улице оставлять? Крутитесь!» Причин для «перегруза» много – эпидемия, ремонт или карантин в одном из соседних стационаров, а однажды зимой, в разгул гриппа, когда обостряются все болячки и забиваются все больницы, какие-то идиоты позвонили по «ноль два» и сообщили, что в сто тридцать шестую городскую больницу подложена бомба. Всех больных, а было их около полутора тысяч да еще немного сверх того, срочно распахали по соседним стационарам и в той же сто тридцать третьей выкатывали в коридор из ординаторских диваны, связывали бинтами, чтобы не разъезжались, стулья, позабирали откуда только можно кушетки и банкетки... Что делать, раз такая ситуация? Тебе везут, а ты клади, другого не дано.

Бомбу, кстати говоря, так и не нашли, а вот горе-шутников нашли и наказали как положено. «Дали бы мне на часок этих уродов! – мечтал один из врачей приемного отделения сто тридцать третьей больницы, дежуривший в тот самый злополучный день. – Ох, я бы показал им, как надо шутить». И показал бы, если бы дали – возможности медицины поистине безграничны.

Второе преимущество – административное. Нигде так сильно не достают персонал приказами, указами, требованиями и придирками, как в общей лечебной сети системы здравоохранения. В ведомственных учреждениях обычно работает спокойнее, если, конечно, между высшими и местными начальниками нет каких-либо непримиримых противоречий.

Третье преимущество – чисто психологического плана. Всегда приятно ощущать свою избранность, принадлежность к какой-то особой группе, выделяться из, как однажды выразился Роман Константинович, «серой толпы в белых халатах». Впрочем, и из избранности можно извлечь определенную пользу.

– Вова, я сказала агенту, что ты работаешь в системе МВД! – предупредила Елена, паркуясь около делового центра на проспекте Мира, в котором арендовало офис агентство недвижимости «Комком-риэлти». – Без уточнений.

– Зачем? – удивился Данилов.

– Так, на всякий случай, – улыбнулась Елена, – пусть имеет в виду, что с нами шутки плохи.

Квартира, полностью или почти полностью удовлетворявшая требованиям Елены, наконец-то нашлась. В Кузьминках, в десяти минутах неспешной прогулочной ходьбы от метро. Трехкомнатная, с большой остекленной лоджией, окна на юг и восток, в новом доме, построенном всего два года назад.

– Самый оптимальный вариант! – радовалась Елена. – Новый дом и девяносто процентов жильцов уже сделали ремонт, поэтому шума и грязи не будет.

– Если только один из оставшихся десяти процентов не будет жить наверху, а второй через стенку на одной лестничной площадке, – пошутил Данилов.

Шутки шутками, а ведь в жизни невозможного нет.

– Можешь не волноваться! – успокоила Елена. – Сверху чердак, а две соседние квартиры отремонтированы. Только из-за последнего этажа эта квартира и зависла...

– Ой ли? – усомнился Данилов, наслышавшийся о том, как дураят клиентов на рынке недвижимости.

– Я уже вникла в историю квартиры, там все просто и чисто. Молодожены получили эту квартиру в качестве свадебного подарка от родителей с обеих сторон. Вселились, начали делать ремонт, к концу ремонта развелись и теперь мечтают разъехаться. Ремонт, кстати, неплохой, с размахом и фантазией...

Данилову, не присутствовавшему на просмотре, Елена предъявила фотографии, в том числе и виды из всех окон, план квартиры и показала расположение дома на карте. Данилов подумал с минуту и сказал, что его все устраивает. Если, конечно, они успеют продать две свои квартиры...

– Успеем! – ответила Елена. – Агентство берется продать их довольно быстро, при условии, что мы не станем задираť цену выше среднерыночной. Но мы же не станем, правда? Мы же разумные люди?

– Разумные, – подтвердил Данилов.

– И нам ничего не будут стоить услуги – только за оформление бумажек заплатим около семисот долларов! Разве не выгодно?

– Бесплатный сыр...

– Вова, тут нет никакого бесплатного сыра! Они явно имеют хороший барыш с этой «трешки» и потому так хотят продать ее поскорее! А для нас – это идеальный вариант! По всем параметрам! И в метраже мы практически не теряем – там девяносто четыре метра, и на обстановку нам немного должно остаться, и на ремонт сильно тратиться не надо, и расположение классное, и вообще – надо же когда-то, наконец, закончить с обменом!

Преимущества и выгоды просто подавляли своей массой, а заодно и настораживали. С другой стороны, если стремиться к недостижимому идеалу, всегда есть риск потратить на подбор подходящего варианта всю оставшуюся жизнь, да так ничего и не найти.

Елена работала пять, а то и шесть дней в неделю с утра до позднего вечера. Данилов был посвободнее, но регулярно «выпадал из жизни» на целые сутки. Было очень кстати, что агентство берет на себя не только подбор покупателей, но и сбор документов, необходимых для обмена.

– Если хочешь, то можешь отдать агенту ключи от своей квартиры и не ездить на просмотры, – предложила Елена.

Квартира Данилова давно стояла пустой – не везло с жильцами. Вселилась поначалу приличная семья – папа-бизнесмен, мама-журналист, двое детей. Пожили немного и съехали, потому что дела у папы пошли плохо и съем «двушки» в Москве стал ему не по средствам. После них приличных кандидатов в жильцы как-то не находилось, попадались или «обещалки», ударявшие по рукам со словами «деньги будут завтра, клянусь мамой! (как вариант – маминой могилой)», и исчезающие навсегда или какие-то скользкие, прячущие глаза личности, с которыми Данилов связываться не собирался. Промаявшись с поиском квартирантов некоторое время, Данилов махнул на эту затею рукой, рассудив, что в преддверии грядущего переезда нет большого смысла сдавать квартиру. Сдашь – а тут сразу вариант подвернется.

Предъявив документы охраннику, Данилов с Еленой поднялись на лифте на четвертый этаж.

– Тебе не кажется странным название «Комком-риэлти»? – спросил Данилов, рассматривая большой бело-зеленый логотип агентства. – На что они намекают? На то, что все комком? Или на то, что первый блин комом? Или они коммунисты в квадрате?

– Зато название звучное и запоминающееся, – ответила Елена.

– Это сокращение от фамилий владельцев компании, – сказала девушка, сидевшая на ресепшн. – Комендантов и Комендантов.

– Отец и сын? – зачем-то уточнил Данилов.

– Братья.

– Мы к Ольге Николаевне, – сказала Елена.

– Вам повезло, – проникновенно сказала девушка, – Ольга Николаевна – наш лучший агент. Три года лидирует по числу заключенных сделок!

«Никогда нельзя связываться с девушками из риэлторских контор, – утверждал приятель Данилова Игорь Полянский. – Хорошие, но крайне редкие выплаты по итогам сделок делают их заносчивыми истеричками. На окружающих они смотрят свысока, мол, то, за что вы два-три месяца корячитесь, я с одной сделки имею, а грызня за эти самые сделки капитально портит характер и расшатывает нервную систему».

Агент Ольга Николаевна Данилову понравилась. Спокойная, не дерганая, говорит по существу, не грузит и не давит. Возможно, в этом-то и заключался секрет ее профессионального успеха, ведь клиента в первую очередь надо расположить к себе.

– Я уже знаю, что вы работаете в системе МВД, – сказала она Данилову, пока нотариус (Данилов сразу же оценил великое удобство нахождения нотариуса на одном этаже с агентством) заверяла доверенности на сбор документов, выписанные им и Еленой. – А можно узнать, чем вы там занимаетесь? Если это не государственная тайна.

– Скажем так – в сферу моей деятельности входят допросы и контроль, – ответил Данилов и тут же удостоился восхищенного взгляда Елены.

– Ну, ты, Вова, и мастер! – похвалила Елена, когда они, закончив все дела в агентстве, спускались в лифте на первый этаж.

– Ты, кажется, этого и хотела! – рассмеялся Данилов. – А разве я сказал неправду? Я расспрашиваю, то есть допрашиваю пациентов или тех, кто их сопровождает, и контролирую их состояние. Все по чесноку!

– Как тебе Оля? – спросила Елена.

– Оля как Оля. – Данилов пожал плечами. – Первое впечатление хорошее, но о человеке судят по его делам.

– Выгорит – хорошо, не выгорит – мы все равно ничего не теряем, – ответила Елена. – Ну, разве только те полторы тысячи, что сейчас заплатили нотариусу.

Они подошли к машине.

– Какая хорошая сегодня суббота! – Данилов посмотрел вокруг и даже зажмурился от удовольствия. – Настоящая весенняя.

– Люблю, когда все зеленеет, – согласилась Елена. – Возрождается...

– Реанимируется, ты хотела сказать, – пошутил Данилов. – Может, оставим здесь машину и пройдемся пешком?

– Давай лучше доедем до Бульварного кольца и там погуляем.

– Тогда поехали к Чистым прудам, знаю я там одно злачное местечко.

Они сели в машину.

– Что за злачное местечко? – Елена посмотрела на себя в зеркало заднего вида и вставила ключ в замок зажигания.

– Кафе, в котором подают обалденно вкусную самсу и не менее вкусный плов.

– А почему злачное?

Машина тронулась с места, но Елене пришлось сразу же нажать на тормоз, чтобы не задавить метнувшуюся под колеса кошку.

– Вот зараза! – возмутилась она.

– Наверное, она решила покончить с собой по причине несчастной любви, – предположил Данилов. – А злачное, потому что простецкое, без всяких наворотов и накруток. И публика там совершенно не гламурная.

– Короче говоря – дешево и сердито!

– Недорого и вкусно, – поправил Данилов.

Увы – кафе, как говорится, приказало долго жить, уступив место сетевой аптеке, четвертой по счету на пяточке возле станции метро.

– Какой-то перебор у нас с аптеками и мобильными салонами, – проворчал Данилов. – А еще совсем недавно, лет двадцать назад, на всю Москву было две сотни аптек, не больше.

– Мрачные были времена, – посочувствовала Елена. – Двести аптек и ни одного мобильного салона.

– Обходились как-то, – усмехнулся Данилов. – Не жаловались. По мне – так лучше бы кафе осталось.

– Если бы да кабы. – Елена взяла Данилова под руку. – Давай прогуляемся, а вместо твоей самсы поедим чебуреков или чего другого.

– Давай, – согласился Данилов, и они пошли по направлению к Трубной площади.

Само собой разговор зашел о предстоящем переезде.

– Я так хочу эту квартиру, прямо вождедею, – начала Елена. – Бывает так: увидишь дом – и от него повеет чем-то родным. Как раз тот самый случай. И квартира чудесная. Наша спальня, комната Никиты и гостиная. И еще лоджия... Что мы будем делать с лоджией?

– Давай сначала переедем, а потом решим.

– А помечтать? – Елена прижалась к Данилову.

– Ну, если помечтать, то тогда устроим на лоджии оранжерею.

– Хорошая идея! А в оранжерею можно поставить аквариум!

– А еще мы купим парочку попугаев, обезьянку и хомячка.

– Зачем?!

– Не знаю. Но мы же мечтаем, верно? Так почему бы не помечтать о попугаях и обезьянке?

– Данилов! Я серьезно!

– Я тоже.

– Ты в своем амплуа!

На бульваре кипела светская жизнь. Матери выгуливали детей, скамейки с чинно беседующими пожилыми дамами перемежались скамейками с самозабвенно целующимися влюбленными парочками.

– Амплуа бывает у актеров, а я – врач.

– Я не о профессиональном, а о бытовом. В быту у тебя амплуа умудренного жизнью циника.

– Это плохо?

– Нормально, но иногда напрягает. Вот сейчас мне хочется обсудить с тобой планы!

– Как только дело сладится – мы непременно обсудим планы, – пообещал Данилов. – Ты слегка ошиблась в оценках, я не циник, а прагматик. Умудренный жизнью прагматик. Но квартирка хорошая, заочно мне понравилась.

– А очно понравится еще больше, – пообещала Елена. – Мне вообще кажется, что я там родилась.

– Да ну! – не поверил Данилов. – Неужели все настолько серьезно?

– Выходит, что так. Там действительно очень приятное место. А тебе как, нравятся Кузьминки?

– Я никогда об этом не задумывался, но ничего против Кузьминок не имею. Только давай не будем сейчас обсуждать расстановку мебели, ладно? Не люблю делить шкуры неубитых медведей. Давай лучше о погоде поговорим. Или о работе.

– Только не о работе! В кои-то веки выдалась свободная суббота, и нечего портить ее разговорами о работе! Тем более что ничего интересного у меня за неделю не произошло. Так, обычная рабочая неделя, без достижений и потрясений. Слава богу – ни одного серьезного ЧП по региону.

– И это здорово!

– Здорово – это когда за квартал ни одного ЧП, – вздохнула Елена.

– Что, разве возможно такое? – Хорошо зная реалии «Скорой помощи», Данилов и представить не мог, что за три месяца хотя бы на одной из подстанций региона кто-то да что-то не натворил. Когда он работал на «Скорой», у них на подстанции раз в месяц непременно что-то случалось – крупный скандал, крупный косяк или же комплект замечаний от линейного контроля.

– Было как-то раз, – улыбнулась Елена, – я даже сама удивилась. Мелких происшествий было пруд пруди, а крупных, с выносом в департамент – ни одного.

– Тяжело вам, руководителям, – посочувствовал Данилов. – Нам, рядовым врачам, не в пример проще. Отвечаем только за свои прегрешения, да и то не за все, а только за те, про которые начальство узнает.

– Последняя жалоба, спущенная из департамента, была просто смешной, – вспомнила Елена. – Бригада приехала к женщине, принявшей чуть ли не половину домашней аптечки с целью суицида. Начали мыть («мыть» – то есть делать промывание желудка через зонд), а в процессе немного запачкали какой-то белоснежный и очень дорогой ковер. Сразу жалоба в департамент, так, мол, и так, кто нам возместит?

– И что ты ответила?

– Бригада написала объяснительные. Промывали над тазиком, никаких ковров не пачкали. На этом все и закончилось. Хотя кто их знает, такие могут и в суд подать.

– Ну это еще доказать надо, что ковер испачкала именно бригада, а не хозяйка, – заметил Данилов. – Интересно, а правило форс-мажора в таких случаях не действует? Спасали человека, и некогда было обращать внимание на мелочи вроде бесценных белоснежных ковров?

– Это пожарные, когда пожар тушат, не отвечают за ущерб, причиненный их действиями. На врачей такая «льгота» не распространяется.

– Ковров пачкать не доводилось, а вот из-за разрезанных при переломе штанов я многого наслышался. Однажды... – Данилов увидел впереди свободную скамейку. – Присядем?

– Присядем.

Данилов склонился над скамейкой и провел по ней рукой – не грязно ли? Его джинсам пыль была не страшна, чего нельзя было сказать о Еленином белом плаще. Скамейка оказалась чистой, и они сели.

– Так вот, однажды с меня за разрезанные на переломе джинсы триста долларов пытались слупить, – продолжил Данилов. – Причем в такой... нагловатой форме.

При переломах одежду чаще всего не снимают с пострадавшей конечности, а разрезают, чтобы не причинять лишней боли и не вызвать лишнего смещения костных отломков.

– А как именно?

– Точно не помню уже, но что-то вроде: «Ну, ты, лошара, конкретно попал на бабки, ты знаешь, сколько я за штаны платил?» Выступал всю дорогу, пока я его в больницу вез. Оклемался в машине, увидел разрезанную штанину и погнал на меня.

– Он остался жив?

– Конечно. Я просто сказал, что не буду ничего ему платить, потому что, во-первых, штанину я разрезал в его же интересах, а во-вторых, джинсам его красная цена пятьсот рублей. Он на это ответил, что я... ну, в общем, плохой человек и что как только он выздоровеет, так сразу же получит с меня все причитающееся, да еще с процентами. Так до сих пор и жду, не знаю, сколько там уже процентов набежало.

Данилов подмигнул карапузу, который усердно сосал большой палец, пока его мать отвлеклась, обсуждая с подругой личную жизнь какой-то Даши. Голоса у обеих молодых женщин были громкие, так что в курсе Дашиных обстоятельств невольно оказался весь бульвар.

– Странно, нормальные пациенты быстро забываются, а вот таких законченных придурков, которых мы называли актерами анатомического театра, помню так, будто только вчера с ними общался.

– Почему анатомического театра? Они же вроде были живыми.

– Не знаю, выражение прикольное. Виталик Сафонов разок так выразился про какого-то перца, а народ подхватил.

Некоторое время сидели молча, рассматривая гуляющую публику.

– Все-таки жизнь в центре имеет определенные преимущества, – нарушила молчание Елена. – Есть здесь какая-то своя аура, и вообще приятно.

– Так в чем же дело? – поддел ее Данилов. – Комнату с видом на бульвар мы себе вполне можем позволить!

– Комнату! – фыркнула Елена. – Ты, наверное, хотел сказать «чуланчик»? Странно, конечно, получается – все, кто живет в центре, жалуются, как им неудобно тут живется, а разница между стоимостью «центрального» и «окраинного» квадратного метра жилья только увеличивается.

– Парадокс. Точно так же, как все жалуются на тяжелую московскую жизнь и не хотят никуда уезжать из Москвы. А по большому счету важно не то, где жить, а как жить. И с кем жить.

– Я что-то не поняла – это был завуалированный комплимент или тонкий намек? – Елена склонила голову набок и с улыбкой смотрела на Данилова. – Уточни, пожалуйста.

– Это была житейская мудрость, – изрек Данилов. – Ты запиши, чтобы не забыть!

Глава шестая

Атака любовью

Когда требовалось, начальник отделения мог быть резким и суровым.

– Ростислав Александрович, если у вас с памятью совсем плохо, то перечитывайте приказы на каждом дежурстве! Чтобы мне не звонили домой и не просили, передаю дословно: «Уймите вашего придурка, а то он нас всех достал!»

Медсестры переглянулись, Миранда едва слышно хихикнула и тут же залилась краской под строгим взглядом начальника. Данилов смотрел в потолок, думая о том, что Кочерыжкина можно было бы отругать и келейно, не на отделенческой пятиминутке. Но видать, допекло Романа Константиновича.

– Это кто назвал меня «придурком»?! – попробовал возмутиться Кочерыжкин.

С точки зрения тактики ход был правильный. Тушат же лесные пожары встречным огнем, отчего бы не попробовать погасить начальственное возмущение своим?

– Бритвин! Он как раз звонил в блок узнать, как дела, и заодно узнал о твоих подвигах...

– А причину моего возмущения он не узнал?

– Узнал, потому и позвонил мне...

Вчера, в шестом часу, когда большинство сотрудников уже ушли, передав пациентов дежурной смене, шестидесятидвухлетний мужчина, лечивший в первом терапевтическом отделении букет своих хронических заболеваний, вдруг «уронил» давление. Падение артериального давления может вызываться разными причинами, от перебора таблеток до инфаркта миокарда.

Разумеется, пациенты, у которых давление стремится к нулям, срочно переводятся в реанимацию, дело-то ведь такое, серьезное, с «нулевым» давлением долго не живут. Пациента срочно доставили в первое реанимационное отделение к доктору Кочерыжкину.

В связи с имевшейся у пациента блокадой левой ножки пучка Гиса¹, судить по кардиограмме о наличии «свежего» инфаркта или его отсутствии было нельзя. Для подтверждения диагноза инфаркта следовало провести кое-какие анализы и сделать эхокардиографию, иначе говоря – УЗИ сердца.

Кочерыжкин почему-то считал, что у пациента, «уронившего» давление, непременно должен быть острый инфаркт, и начал требовать у дежурного врача блока кардиореанимации, чтобы та забрала «перевод» к себе.

Дежурный врач резонно ответила:

– Сначала подтвердите инфаркт, а потом уже поговорим о переводе.

Имелся соответствующий приказ начальника госпиталя, согласно которому переводу в блок кардиореанимации подлежали только лица с подтвержденным «профильным» диагнозом.

Кочерыжкин, руководствуясь своей великой интуицией (а если честно, то принципом, призывающим спихивать все, что спихивается), начал настаивать. Врач блока повесила трубку. Кочерыжкин перезвонил. Потом он позвонил ответственному дежурному врачу по госпиталю. Тот тоже посоветовал вначале подтвердить диагноз. Кочерыжкин сделал перерыв в переговорах, худо-бедно стабилизировал пациента на давлении девяносто на шестьдесят и снова позвонил в блок.

¹ Вариант нарушения проводимости импульсов в сердечной мышце, вызывающий значительные изменения ЭКГ, на фоне которых острый инфаркт миокарда может не быть виден.

– Каждый должен заниматься своим делом! – кричал он в трубку. – Что вы мне тычете в лицо приказом? Здесь свежий инфаркт, явный инфаркт! Ну и что, что КФК² в пределах нормы? – Анализ взятой у пациента крови не подтвердил диагноз инфаркта, но «интуиция» Кочерыжкина была выше каких-то там анализов. – Она просто еще не успела подняться, ведь ее активность возрастает с четвертого часа! Я сейчас возьму кровь повторно, а завтра на конференции размажу вас по стенке! Недаром же говорят, что ваш блок – самое тупое из всех отделений!

Дежурный кардиореаниматолог пожаловалась своему шефу, тот позвонил Роману Константиновичу, Роман Константинович перезвонил Кочерыжкину и, не вдаваясь в оценку и подробности, велел «прекратить трепыхаться», а сейчас, на пятиминутке, дал волю своему гневу.

– Чтобы больше никогда я не видел в моем отделении примеров подобного базарного поведения! Причем базар ваш, Ростислав Александрович, был пустым – повторный анализ на ферменты тоже в норме.

– Но клиника, Роман Константинович, клиника!

– Это называется – умру, но ошибок своих не признаю, – вздохнул Роман Константинович и встал. – Пора на конференцию. Если мои слова до вас не дошли, то Борис Алексеевич объяснит все более доходчиво.

Начмед госпиталя, полковник внутренней службы Саватеев, умел объяснять образно, ярко и доходчиво. Данилов уже успел в этом убедиться, правда, не на своем, а на чужом опыте. А еще Саватеев мог вернуть в свою экспрессивную и порой весьма экспансивную речь что-нибудь такое, от чего все, кроме получавшего внушение, просто сползали на пол от смеха. Если бы Кочерыжкин был приятным человеком, то Данилов непременно бы ему посочувствовал – размажут сейчас по стене, как есть размажут. Да еще носом в собственную лужицу ткнут, чтобы не устраивал скандалов коллегам на ночь глядя.

Самое главное преступление Кочерыжкина заключалось в том, что он продолжил звонить в кардиореанимацию и настаивать на переводе после того, как ответственный по госпиталю велел ему оставить идею с переводом и разбираться с пациентом самостоятельно. За подобную самодеятельность и в обычных больницах убивают, а в госпитале, где дисциплине традиционно придают большее значение, тем более.

Свой «предварительный» обход Данилов начал с «камня преткновения», того самого, так и не переведенного мужика. Пока в отделении тихо, можно подробнее расспросить его о том, что он делал в часы, предшествующие снижению давления.

Пациент уже проснулся и, судя по умоляющему взгляду, прямо-таки горел желанием пообщаться с доктором. Ему даже наводящих вопросов задавать не потребовалось. Стоило только Данилову подойти, как мужчина спросил:

– Скажите, доктор, а от снотворного давление может падать?

– Смотря от какого, Сергей Антонович, – ответил Данилов, снимая с шеи фонендоскоп.

– От гимедорма. – Пациент попытался сесть, но Данилов придержал его, покачав головой – мол, не надо вставать, лежите, как лежали.

– От гимедорма может, особенно если принять несколько таблеток или же запить его алкоголем.

– Алкоголем я уже седьмой год не балуюсь, – Сергей Антонович постучал указательным пальцем по левой стороне грудной клетки, намекая на свое больное сердце, – но вот сон у меня, доктор, чуткий. А в палате нас трое, и оба моих соседа храпят так, что заснуть нет никакой

² КФК – креатинфосфокиназа, определение одной из фракций которой является специфичным лабораторным тестом острого инфаркта миокарда.

возможности. То снотворное, что назначали мне в отделении, не помогало совершенно, вот сестра и принесла мне упаковочку гимедорма.

– Так вот взяла и принесла? – удивился Данилов. – Гимедорм же относится к сильнодействующим учетным препаратам.

– Она... имеет возможность, – замялся пациент.

– А вы никогда его раньше не принимали, Сергей Антонович?

– Нет, но сестра порекомендовала, сказала, что гимедорм очень хорошо действует. Я перед тихим часом выпил таблетку...

– Обедали? На сытый желудок выпили?

– Нет, не обедал, аппетита не было, так, в салатике поковырялся, и все. Выпил, значит, прилег, поворочался минут пять с боку на бок и принял еще одну таблетку. Рассосал ее под языком, чтобы скорее подействовало.

– И что?

– Подействовало, – Сергей Антонович поморщился, – очнулся уже у вас.

– Значит, гимедорм, говорите...

– Гимедорм, доктор, он у меня в тумбочке лежит.

– В тумбочке – это хорошо, – одобрил Данилов, прикидывая, как ему лучше поступить. – Значит так, Сергей Антонович, насколько я понимаю, про гимедорм вы сказали мне первому.

– Да, вам первому. Другой доктор больше про сердце спрашивал, когда болело, чего и как. Да и сам я только утром вспомнил, что принимал снотворное.

– Тогда сделаем так, Сергей Антонович. – «В конце концов, врач всегда должен действовать в интересах больного», – подумал Данилов. – Про гимедорм вы больше никому не рассказывайте, а когда вернетесь в палату, тайком, так, чтобы никто не видел, отдадите его вашей сестре. А докторам говорите... Вы дома от давления что пили?

– Капотен.

– А докторам говорите, что самовольно приняли две, или нет, лучше три таблетки капотена из личных запасов, потому что у вас болела голова, и вы решили, что поднялось давление, а врача или сестру беспокоить постеснялись. Так будет лучше, а то запишут в историю про гимедорм, и рано или поздно информация докатится куда следует.

– Этого нам не надо.

– Вот и я об этом. Скоро будет обход начальника отделения, обдумайте в деталях, что вы будете говорить. А сейчас давайте осторожно присядем, чтобы я смог послушать, как вы дышите.

– Спасибо, доктор. А как вас...

– Владимир Александрович.

– Если какие проблемы водительского плана будут, Владимир Александрович, права, не дай бог, отберут или что другое, то всегда обращайтесь ко мне. Я хоть и на пенсии, но связи остались.

– Спасибо за предложение, но у меня нет машины.

Данилов выслушал легкие и сердце Сергея Антоновича, пропальпировал живот, посмотрел, нет ли отеков на голенях, и сказал:

– Сейчас снимем контрольную кардиограмму, потом сделаем «эхо» и, если все будет хорошо, к вечеру переведем вас обратно. Кровь у вас утром брали?

– Брали. Только можно не в мою старую палату, а в другую!

– Это уже не в моей власти, я перевожу в отделение, а уж в какую конкретно палату вас положить, решают там. А затыкать уши вы не пробовали?

– Нет, не пробовал, все больше на снотворное надеялся.

Два перевода, три поступления, одна смерть. День выдался довольно хлопотным, в каком-то смысле и тяжелым (даже ожидаемая, спрогнозированная, можно сказать – обосно-

ванная, смерть все равно остается смертью), тем более что работать пришлось одному Данилову. Роман Константинович сразу же по завершении обхода уехал в управление на разбор какого-то случая трехмесячной давности и предупредил, что сегодня уже не вернется.

Лишь в восьмом часу вечера Данилов добрался до дивана и развалился на нем с чашкой кофе в одной руке и бутербродом в другой. «Ах, какое блаженство!» – подумал он, делая первый глоток. Плеваться кофе через левое плечо было несподручно, стучать по дереву тоже – обе руки как-никак заняты, вот и сглазил Данилов свой покой. Он еще не успел доесть первый бутерброд, как послышались знакомые стремительные шаги, и в ординаторскую влетела (просто войти – это так скучно!) доктор Половникова. В рабочей форме – пижама плюс халат.

– Добрый вечер!

– Добрый, – ответил Данилов, машинально глядя на часы – уж не перепутал ли он, заработавшись, утро с вечером.

Половникова поставила сумку на подоконник, схватила без спросу один из лежавших на столе даниловских бутербродов, плюхнулась на диван, откусила, прожевала и сказала:

– Не хватает тонко порезанного соленого огурца! Не маринованного, а именно – соленого. И тут же откусила по новой.

– Меня устраивает. – Данилов отправил в рот остаток бутерброда и привстал за следующим.

– Ты не гурман! – Половникова владела умением довольно членораздельно говорить с открытым ртом.

Они уже успели перейти на «ты», как-то незаметно, само собой.

От предложенного Даниловым последнего, четвертого бутерброда, Половникова отказываться не стала.

– Я оставлю его на завтрак, – сказала она, убирая бутерброд в холодильник и рассматривая его содержимое. – А баклажанная икра твоя?

– Нет.

– И булочки не твои?

– И булочки не мои.

– Прекрасно! – Половникова наконец захлопнула дверцу. – Значит, обед у меня тоже есть, а на ужин я съем чью-нибудь запеканку.

На пациентов, находящихся в реанимации, независимо от их состояния ежедневно отпускаются завтраки, обеды и ужины. Так положено. Часть пациентов не может есть ввиду отсутствия сознания, другая часть не имеет аппетита, поэтому разжиться чьей-нибудь ненужной порцией в реанимации не проблема.

– Что, подумал – время перепутала? – Половникова обернулась к Данилову, продолжавшему сидеть на диване.

– В первый момент так и подумал, – признался Данилов.

– Зря, не такая я дура, чтобы путать день с ночью. – Половникова включила чайник и достала из шкафчика свою чашку и пакетик с чаем. – У меня трагедия семейного масштаба.

Она замолчала, явно ожидая вопросов от Данилова, но Данилова не интересовали чужие трагедии, тем более семейные.

– Я с мужем поссорилась, психанула и ушла из дома, – продолжила Половникова. – Сначала хотела поехать к сестре, а потом вспомнила, что завтра мне на дежурство, и решила: «А поеду-ка я на работу, хоть один раз не опоздаю». Вот и приехала. А ты что, не рад мне?

– Мне все равно, – не стал лгать из вежливости Данилов, – приехала так приехала. Бокс пустует, можешь там спокойно поспать за двумя дверьми.

– Я не буду спать в боксе! – Половникова налила в чашку кипяток и присела на край стола. – Там жутко. Я начну вспоминать всех, кто там умер, и так и не смогу заснуть. Лучше уж я лягу в Ромином кабинете, он не станет возражать.

Запасной ключ от кабинета начальника отделения хранился на сестринском посту.

– Была бы честь предложена, – сказал Данилов. – В боксе, на мой взгляд, удобнее.

Он прикрыл глаза и некоторое время просидел так, намекая Половниковой, чтобы та поскорее допивала свой чай и шла в кабинет Романа Константиновича. Сказать по-свойски: «Чеши отсюда, не мешай мне расслабляться» – Данилов не мог, не позволяло воспитание.

Половникова намек не поняла или же поняла, но виду не показала, потому что ей очень хотелось поговорить. Точнее – выговориться.

– Ну почему вы, мужчины, такие бесчувственные? – поинтересовалась она.

Данилов ничего не ответил.

– Женщины отдают вам лучшие годы жизни, тащат на себе дом, тащат в этот дом деньги, убаживают вас в постели, а вы этого нисколько не цените! Ну как так можно?! Как можно устраивать какой-то безумный скандал из-за пятисот долларов?! Разве нервы, разве счастье, мир и покой в доме стоят пятисот долларов?! Нельзя же быть такой скотиной!

Данилов молчал, пытаясь не слушать, то есть не слышать Половникову но ее надсадный высокий голос буквально ввинчивался в мозг.

– Разве я, зарабатывающая вдвое больше, не могу взять деньги, если они мне срочно понадобились? Разве я недостойна хороших вещей? Или у меня нет никаких прав – одни только обязанности?

Вопросы оставались без ответов, но это, кажется, только раздражало Половникову.

– А взять и на моих глазах разорвать на две части мою обновку – это разве по-мужски?! Не могу справиться с женщиной, так хотя бы на ее вещах отыграюсь, так что ли? Разве не свинство? Это просто недостойно!

Данилов открыл глаза и внимательно посмотрел на Половникову.

– Галя, можно попросить тебя репетировать про себя? Я устал немного, а впереди еще ночь. Хочется немного отдохнуть в тишине.

– Что-о-о?! – опешила Половникова. – С чего ты взял, что я репетирую?

– А это разве не монолог Офелии? – прикинулся пеньком Данилов.

– Это монолог разъяренной львицы! – просветила его Половникова и вышла из ординаторской.

По звукам, донесшимся из-за не до конца прикрытой двери, Данилову стало ясно, что Половникова тормознулась на посту и начала изливать душу медсестре Наташе.

«Обновки, конечно, рвать не стоит, тем более – на две части, – подумал Данилов. – Это совершенно лишнее и, как и все деструктивное, сильно озлобляет. Проявление собственного бессилия максимально обидным для противника способом...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.